

НАРОДЫ КАВКАЗА

страницы прошлого

Е. Д. Вейденбаум

КАВКАЗСКИЕ АМАЗОНКИ

Материалы
для древней этнографии
Кавказа

Издательство М. и В. Котляровых

Е. Г. Вейденбаум

Кавказские

амазонки

Кавказские амазонки: Материалы для древней этнографии Кавказа

Вместе со многими драгоценными сведениями о странах древнего мира и народах, их населявших, классические историки и географы оставили нам много и таких рассказов, истинность которых ныне никто не усомнится отвергнуть: таковы рассказы о пигмеях и борьбе их с журавлями, грифах, гиперборейях, людях с песьими головами, безглазых, безротых и т. п. чудесных существах.

Эти рассказы пользовались весьма долго полным доверием. Средневековые историки и географы не только включали их без всякой критики в свои сочинения, но даже считали необходимым украшать и дополнять их собственными вымыслами, так как в то время достоинство писателя измерялось умением его вымыслами возбудить и занять воображение читателя.

«До XVI века, — говорит Бокль в главе „О начале исторической литературы и ее состоянии в Средние века“, — история была не более как сплетением грубейших заблуждений. В течение нескольких столетий в Европе не было ни одного человека, критически изучавшего прошлое или даже способного с удовлетворительной точностью изображать события своего времени».

Этот период в развитии науки уже давно миновал. С переменной взгляда на значение и методы истории и географии и с расширением круга исследования весь

материал, оставленный классическими писателями, подвергся тщательной критике и проверке. Одни из рассказов, как, например, о пигмеях и борьбе их с журавлями, оказались аллегориями^[1], другие — основанными на недоразумении или недостаточном наблюдении, третьи были признанными мифами (например, рассказы о гипербореях^[2], наконец четвертые были прямо отвергнуты, как очевидный вымысел.

Только одно из этих преданий избегло общей участи и еще до сих пор находит людей, дающих ему полную веру. Это — предание об амазонках, или воинственных женщинах, встречающееся у Гомера, Геродота, Страбона и других классических писателей и затем позднее у многих византийских историков, от которых оно перешло и в русскую летопись Нестора^[3].

Выше было упомянуто, что расширение познаний о странах и народах земного шара влекло постоянно за собой убеждение в неосновательности многих рассказов, оставленных древними писателями. Предание об амазонках составляет исключение в этом отношении; оно не только не исчезло после великих географических открытий, завершивших собою Средние века, напротив

¹ О пигмеях и различных мнениях о них см, ст.: Ueber die Zwergvölker in Africa // в Petermann's Geogr. Mittheilungen, 1871. № 4.

² Humboldt. Asie centrale. Т. 1. Р. 392–403; Geschichte der physischen Weltan-schauung // Космос. Т. 2. Примеч. 64.

³ Укажу для примера на статью г-на Пфафа «Материалы для древней истории Осетин» в IV выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах» (Тифлис, 1870). Признавая существование амазонок в древности фактом несомненным и высказывая соображения о происхождении и результатах подобной формы общежития, г-н Пфаф предусматривает большую пользу для сравнительного законоведения от исследования вопроса об амазонках.

того, получило еще большую достоверность и известность, после того как амазонки были открыты первыми европейцами на берегах величайшей реки Американского континента, известной с тех пор под именем реки Амазонка.

Теперь уже никто не утверждает, что амазонские государства в смысле классических писателей существуют где-нибудь до настоящего времени; но средневековое убеждение в том, что предание об амазонках заключает в себе истину, еще находит защитников.

Наибольшей известностью пользовались в древности амазонки, обитавшие на северном склоне Кавказского хребта. Поэтому всякий, занимающийся древней историей и этнографией Кавказа, встречая рассказы об амазонках, невольно останавливается перед вопросом; заслуживают ли они какого-нибудь внимания или могут быть оставлены в стороне, как очевидно неосновательные? В подобном же недоумении находился и автор настоящего этюда. Амазонское государство, думалось ему, представляет столько противоречащего всем познаниям нашим о нецивилизованных народах и положении женщин у них, что рассказы о подобном государстве можно было бы с большей вероятностью отнести к числу вымыслов, которых так много у древних авторов. Но, с другой стороны, каким образом отвергнуть без всякой критики и поверки то, что не заключает в себе ничего очевидно нелепого и что еще и теперь считается некоторыми фактом, не подлежащим сомнению?^[4] При таких обстоятельствах оставить

⁴ Укажу для примера на статью г-на Пфафа «Материалы для древней истории Осетин» в IV выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах» (Тифлис, 1870). Признавая существование амазонок в древности фактом несомненным и

предание без внимания, как очевидный вымысел, едва ли благоразумно: люди противоположного мнения будут иметь право сказать, что голословное отрицание не есть опровержение и что они не видят надобности отказываться от своего мнения только на том основании, что другие находят его нелепым, не приводя никаких доказательств в подкрепление такого приговора. Поле исследования осталось бы, таким образом, нерасчищенным, и будущим исследователям, вместо того чтобы прямо приступить к делу, пришлось бы заниматься опять только подготовительными работами.

Эти-то соображения и побудили автора настоящего этюда исследовать причины происхождения и распространения предания об амазонках.

Я упомянул уже, что некоторые до сих пор поддерживают истинность предания об амазонках и их государстве. Впрочем, защитников подобного мнения, как кажется, немного и, насколько мне известно, печатно оно было высказано только у нас. Так г-н Пфаф, автор цитированных уже «Материалов для истории осетин», полагает, что «можно не сомневаться в существовании амазонок, так как о них говорится в столь многих и разнообразных источниках древней истории».

Происхождение амазонок можно, по мнению г-на Пфафа, объяснить следующим образом: «В жизни человечества, после разложения древнего патриархального устройства, следовал век кровавых и разрушительных войн. Вследствие этих войн число мужчин уменьшалось иногда до такой степени, что

высказывая соображения о происхождении и результатах подобной формы общежития, г-н Пфаф предусматривает большую пользу для сравнительного законоведения от исследования вопроса об амазонках.

женщины окончательно получали перевес. Отсюда к амазонскому быту — один шаг. Стоит только явиться какому-нибудь энергическому женскому характеру, вроде, например, Томириды^[5] (Tomiris). Подобная женщина может взять в руки бразды правления. Затем мужчины или подчиняются женщинам... или же женщины совсем выгоняют всех мужчин, как это, можно предполагать, случилось у кавказских амазонок. Тогда, по необходимости, развиваются совершенно особые формы общежития. В подобных амазонских государствах женская добродетель ставится выше всего, вследствие чего каждая, как это было на Кавказе, обязана в течение десяти месяцев удерживаться от всех сношений с мужчинами».

Обращаясь к разбору соображений г-н Пфафа, заметим прежде всего, что он смешивает два совершенно различных понятия: разнообразие авторов, упоминающих об амазонках, и разнообразие источников сведений о них. Случается, что авторов, утверждающих какой-либо факт, бывает очень много, но, несмотря на то, вероятность этого факта нисколько не увеличивается, так как очевидно, что все авторы черпали свои сведения не из различных источников, а или последовательно друг у друга, или из одного и того же источника: народного предания. В рассказе об амазонках видно яснее, чем где бы то ни было, подобное заимствование, так как все авторы воспроизводят рассказ часто с буквальной точностью. Выше уже было указано, что даже рассказ об амазонках Нестора, заимствованный из летописания Георгия, представляет буквальное повторение рассказа

⁵ Царицы скифского народа — массагетов. В войне с ней погиб мидийский царь Кир. (История Геродота. Кн. 1).

Страбона. Выводя истинность предания об амазонках из многочисленности авторов, упоминающих об этом предании, г-н Пфаф должен на том же основании признать также и действительность существования грифов, гипербореев и всех прочих мифических существ. Между тем г-н Пфаф, как кажется, относится скептически ко всем рассказам об этих существах.

Предлагаемый г-ном Пфафом способ происхождения амазонского государства кажется нам наиболее удачным. Прежде всего — мы не знаем того века кровавых и разрушительных войн, который, по словам г-на Пфафа, наступил в жизни человечества после разложения древнего патриархального устройства. Человечество не полк солдат, марширующих в ногу и по приказу переменяющих прежнюю форму на новую. Народы стоят и еще неопределенно долгое время будут стоять на весьма различных степенях цивилизации, и потому в истории человечества не могло быть определенного периода, в который происходило разложение древнего патриархального устройства. Одни народы уже давно прошли через этот период, другие только еще проходят, третьи исчезли и исчезают с лица земли, не успев достигнуть высшей формы общественного быта. Итак, мы не знаем века кровавых и разрушительных войн и не понимаем, почему такой век должен был наступить как необходимое последствие разложения патриархального быта. Войны бывали и до и после разложения этого быта, и мы склонны скорее допустить, что войны дают первый толчок к изменению формы общественного быта, а не наоборот. Но допустим, согласно теории г-на Пфафа, что в человечестве разложился патриархальный период и произошла кровавая, разрушительная война. Допустим также, что война эта была столь жестока, что число

мужчин с обеих сторон значительно уменьшилось. Тогда, говорит г-н Пфаф, женщины получают окончательно перевес и отсюда к амазонскому быту — один шаг: «Стоит только явиться энергическому женскому характеру, вроде, например, Томириды и т. д.». Стараясь представить себе происхождение амазонского государства по рецепту г-на Пфафа, мы пришли к убеждению, что это вовсе не так легко и просто, как кажется г-ну Пфафу. Мы не только не можем согласиться с тем, чтобы от перевеса числа женщин к амазонскому быту был один шаг, но даже вовсе не видим пути, по которому могло бы идти развитие амазонского государства из численного перевеса женщин. Вероятно г-н Пфаф ответит на это, что в то время женщины очень тяготились своим зависимым положением и подчинялись мужчинам только потому, что составляли меньшинство; но они тайно обучались науке управления государством и военному искусству и ждали удобного случая, чтобы совершить давно задуманный переворот. К счастью для них, такой случай вскоре представился. Патриархальный быт начал разлагаться, и мужчины отправились воевать с другими мужчинами. Битва была очень кровопролитна и только мало чем отличалась от известной драки двух собак, которые грызлись до того свирепо, что проглотили друг друга, так что на поле битвы остались только два хвоста... После битвы толпа мужчин возвращается восвояси, надеясь отдохнуть от трудов у домашнего очага, но коварные женщины уже взяли в руки «бразды правления» и предоставляют мужьям своим убираться куда хотят. Таким образом, по мнению г-на Пфафа, было положено начало амазонскому государству. Покончив внутренние дела, амазонки занялись внешними и заключили конвенцию с соседним племенем касательно

способов поддержания рода амазонок. Г-н Пфаф, к сожалению, не объясняет, кто такие были гаргарены, с которыми заключили союз амазонки. Но из того, что они приняли сделанное им предложение, мы можем заключить что у них не было женщин; это же последнее обстоятельство позволяет предположить, что гаргарены представляли общество мужчин, изгнанных из какого-нибудь другого амазонского государства. Идя таким образом по стопам г-на Пфафа, мы приходим к неожиданному открытию, что был такой период в истории человечества, когда на земле существовали только отдельное мужское и отдельное женское государства. Впрочем, принятие гаргаренами предложения амазонок г-н Пфаф может объяснить тем обстоятельством, что уже и в те времена мужчины были охотники до чужих жен.

Предшественником г-на Пфафа по части происхождения амазонок был г-н Ив. Шопен, автор «Новых заметок на древние истории Кавказа и его обитателей», каковые заметки, кажется нам, было бы справедливее назвать «новыми заметками для затемнения древней истории Кавказа и его обитателей».

Г-н Ив. Шопен принадлежит к числу тех счастливых филологов, которые все объясняют производством слов и незнакомы с трудностями, выпадающими на долю натуралистов-этнографов. Обладая знанием какого-то особенного основного силлабического языка, г-н Ив. Шопен с удивительною легкостью разрешает самые затруднительные вопросы древней истории и этнографии. Он черпает свои доказательства с одинаковым доверием и из Гезиода, и из китайских космогоний, и из Геродота, и из Моисея Хоренского, одним словом, из всякого сочинения, древнего или

нового, какое только попадет ему под руку. Приведем небольшой пример, характеризующий ученые приемы г-на Шопена. Разбирая сказание Гезиода о древнем океане, ученый автор приходит к заключению, что сказания эти относятся к тому времени, когда «еще не выросли из недр земли ни Кавказ, ни Урал, ни Финляндия; когда Каспийское, Азовское и Черное моря, вероятно, были заняты, вместо нынешних пучин, хлебородными пажитями и цветущими лугами, которые, при совершившемся катаклизме, провалились в пучины, между тем как рядом воздвигнулись горные хребты и широкие материки осушились» (с. 126 указанного сочинения).

Понятно, что для г-на Ив. Шопена, так победоносно разрешающего сложные геологические вопросы, разрешение вопроса об амазонках не представляет никаких затруднений. Сперва он доказывает возможность образования амазонского государства вследствие кровопролитных войн. Мы не приводим этих доказательств, так как они в существе сходны с доказательствами г-на Пфафа. Разница замечается только в двух пунктах: г-н Ив. Шопен не приурочивает образование амазонских государств к определенному периоду, а говорит просто, что это было в «те времена», не определяя, в какие именно. Во-вторых, у г-на Ив. Шопена женщины оказываются более патриотками, чем у г-на Пфафа: у первого они решаются образовать особую республику по необходимости, а именно вследствие поголовного истребления всех мужчин в битве, а у г-на Пфафа они отказали в приюте своим мужьям, которые защищали их на поле битвы против врагов.

Затем г-н Ив. Шопен обращается к своему универсальному средству — основному силлабическому языку и при его помощи находит целую тьму доказательств господства женщин на обеих оконечностях Кавказа, западной и восточной. Оказывается, что река Тёрмодон, или Тиирмотун, значит «река» или «жилище женщин», река Мармодалис, на которой жили кавказские женщины, значит «мужчины приходят»; то же значение имеет название реки Терек, или Террек; река Кума значит «река наложниц», Маджар — «страна поцелуев», Чечня, или Чичня, есть перевод Дзур-дзуг-эти и значит «страна грудей» и т. д. и т. д. Наконец название города Кизляра, что значит «девичник», доказывает неопровержимо, что этот город был столицей амазонского царства.

Нам заметят, быть может, что не стоило так долго останавливаться на соображениях г-д Пфафа и Шопена, так как они настолько наивны, что не заслуживают опровержения. Мы согласились бы с этим замечанием, если бы названные авторы не излагали своих соображений и доказательств с большой претензией на глубокомыслие и ученость. К тому же, мы желали показать на примерах, какими приемами считается у нас возможным разрабатывать историю и этнографию Кавказа. Мы убеждены вполне, что дело изучения Кавказа было бы значительно облегчено и дало бы давно плодотворные результаты, если бы исследователи, не «мудрствуя лукаво», занялись сначала собиранием и изучением фактов и наблюдений.

В западно-европейской литературе существует несколько монографий об амазонках. Некоторые из них указаны в Энциклопедическом словаре, составленном

русскими учеными и литераторами (в ст. «Амазонки»). Мы можем назвать еще нижеследующие:

F. Nagel. Geschichte der Amazonen (Stuttgart u. Tübingen, 1838);

Bergmann. Les amazones dans l'histoire et dans la fable (Colmar, s. a.);

W. Strieker. Die Amazonen in Sage und Geschichte (Berlin, 1868; составляет 61 выпуск известного сборника Вирхова и Гольцендорфа: Sammlung gemeinverständlicher wissenschaftlicher Vorträge).

A. Bastian. Zur Amazonen — Sage (в Zeitschrift für Ethnologie. 1870. Zweiter Band. P. 177).

Hydes Clarke. The Amazons, palaeogeorgians and Caucasotibetans (The Athenaeum. 1871. № 2282).

Кроме монографий, встречаются заметки об амазонках в сочинениях некоторых путешественников. Они будут приведены в своем месте.

Мы не имеем намерения разбирать подробно содержание каждого из названных сочинений, а ограничимся кратким обзором мнений, высказанных о занимающем нас предании. Эти мнения можно разделить на две группы. Большинство авторов полагает, что предание об амазонках, хотя и не включает в себе полной истины, должно быть, во всяком случае, отнесено к числу таких, которые истинны в своем основании. Так Гумбольдт^[6], разобрав показания об американских амазонках, высказал, что, несмотря на басни, рассказываемые об амазонках, предания о них, сохраняющиеся у самих индейцев, могут иметь некоторое

⁶ Фролов. Александр фон Гумбольдт и его Космос // Современник. Т. 7. С. 116.

историческое основание. Первые завоеватели Америки могли встречать в самом деле женщин, защищавших свои жилища, или находить внутри земли женские общества, религиозные или промышленные, или даже состоящие из женщин, бежавших от притеснений и вооружившихся для своей защиты. Европейцы, старавшиеся при открытии Америки все, что они находили в ней, украшать поэтической одеждой и изображать чертами, заимствованными из классической древности, могли и встречи свои с вооруженными и защищающимися индианками называть битвами с амазонками.

Подобное же мнение высказывает А. Бастиан о классических амазонках. Основываясь на борьбе между полами, замечаемой у некоторых южно-африканских племен и оканчивающейся иногда тем, что женщины временно получают перевес над мужчинами, он заключает, что и общество амазонок могло быть вызвано к существованию подобными же обстоятельствами: «Между воинственными племенами, кочевавшими в Азии еще до времен Гомера, находился народ, женщины которого, как это часто случается, принимали участие в битвах и, вероятно, вследствие соперничества полов, приобретали иногда перевес над мужчинами, как это случалось у южно-африканских племен, и таким образом дали повод к рассказу об амазонках».

«Во всех рассказах о воинственных женщинах и участии их в занятиях мужчин нет ничего необыкновенного, так как все эти рассказы подтверждаются аналогичными явлениями, которые можно наблюдать и в настоящее время».

Переходим к другой группе авторов. Они не признают исторической основы в предании об амазонках,

а предполагают: одни — что оно представляет собою метеорологический, другие — астрономический миф, наконец, третьи приписывают его происхождение случайному сходству между именем какого-то народа *амазоны* с греческим словом *безгрудые* (*mazos* — груди и *a* — отрицательная частица). Так, по мнению Гайда Клерка, амазонами назывались грузины в то время, когда они занимали еще Малую Азию и дали этой стране название *Asia* или *Azia*, себя же назвали *Amazioni* — от *Azia* с деривативным и собирательным префиксом *At* и слогом *ni* на конце для обозначения множественного числа. Ошибочная этимология этого имени и дала грекам повод к созданию басни о воинственных женщинах, лишивших себя груди для большего удобства в воинских упражнениях.

Было предложено и еще несколько значений для слова *амазонки*. Мы не приводим их, так как считаем маловажными причины, заставлявшие авторов пускаться в лабиринт этимологии: они считали невозможным признать за амазонками значение безгрудых потому только, что древние художники изображали амазонок с полными хорошо развитыми грудями.

Упомянем еще, что г-н Ив. Шопен, хотя и допускает существование амазонок, но также не допускает обычной этимологии их имени, а полагает, что амазоны происходят от древнеиранского *Амазен*, то есть «все женщины».

Приведенные выше мнения о происхождении предания едва ли могут быть признаны вполне удовлетворительно построенными^[7]. Во всех их

⁷ Слова эти, конечно, не относятся к попыткам объяснить предание

замечается очень много гадательного, так что принятие того или другого из них зависит от большей или меньшей готовности каждого отдельного лица допустить предварительно то или другое предположение, весьма слабо или и вовсе не подкрепленное. Так, для принятия мнения Гумбольдта необходимо допустить, что первые завоеватели могли в самом деле встретить женщин, защищавших свои жилища, или находить внутри страны женские общества, религиозные или промышленные, или даже состоящие из женщин, бежавших от притеснений или вооружившихся для своей защиты. Конечно, если бы они встретили подобные общества, то происхождение предания было бы понятно. Но где же доказательства, что подобные общества действительно существовали?

По мнению Бастиана, классическое предание обязано своим происхождением явлениям, подобным тем, которые ныне наблюдаются в Южной Африке. Является опять вопрос: где же доказательства тому, что подобные отношения существовали в глубокой древности у азиатских кочевников? Что может возразить он тому, кто не захочет разделить предположения его о существовании среди кочевников народа, женщины которого, «вероятно, вследствие соперничества полов, приобретали иногда перевес над мужчинами»? Разве существуют какие-нибудь доказательства подобного соперничества?

Другая группа мнений, в пример которой мы привели мнение Гайда Клерка, точно так же не разрешает вполне вопроса. Если мы, имея в виду причину происхождения предания о финских

амазонках^[8], допустим даже, что первоначально предание образовалось способом, подобным тому, который предполагается Гайдом Клерком, то для нас все-таки остается неизвестным повод к позднейшим рассказам об амазонках в Азии, Африке и Америке. Таким образом, выводы, основанные на филологических сближениях, не разрешают, а только удаляют разрешение вопроса. К тому же, подобные выводы более, чем какие-нибудь другие, отличаются произвольностью, в чем можно убедиться даже из разнообразия предложенных толкований для слова *амазонки*.

Приведенные соображения о произвольности и неудовлетворительности всех предложенных объяснений происхождения и распространения предания об амазонках побудили нас попытаться подойти к вопросу с другой стороны. Мы поставили себе целью проследить, при каких обстоятельствах возникло предание как в древности, так и в новейшее время; затем мы старались определить, одинаковы ли некоторые из этих обстоятельств как в том, так и в другом случае. Придя в этом отношении к положительному выводу, мы сочли себя в праве допустить, что это сходство не случайно и что именно эти обстоятельства дали повод к возникновению предания.

Такова цель настоящего этюда. Что касается порядка изложения, то нам казалось наиболее целесообразным начать с рассмотрения рассказов об

⁸ У Бокля в главе VI «О начале исторической литературы и ее состоянии в Средние века» (Т. 1. Ч. 1) упоминается, между прочим, что случайное сходство между шведским словом *Qinna* — женщина и именем одного финского племени *Квены* и стороны их *Квенландии* заставляет думать, что на север от Балтийского моря живут амазонки. Существование такого народа, говорит Бокль, положительно утверждалось многими из ранних европейских историков.

амазонках американских, так как они появились в сравнительно недавнее время и потому обстоятельства, сопровождавшие их появление, могут быть определены с большей точностью, затем уже рассматриваются рассказы Страбона, Геродота и прочих классических писателей.

В заключение скажем, что читатели не найдут в нашем этюде полной истории амазонок. Мы не имели ни возможности, ни надобности писать подобную историю. Наша цель не подробное изложение многочисленных рассказов, а, как сказано уже в начале, разрешение вопроса о значении амазонок в этнографии Кавказа. Поэтому мы прибегали к подробностям рассказов тогда только, когда считали это необходимым для нашей цели. Наконец, считаем необходимым оговориться, что мы не имеем претензии на оригинальность или новизну взгляда. Из указанной выше статьи А. Бастиана мы убедились, что взгляд на происхождение предания, которого мы придерживаемся, высказывался (хотя и вскользь) не раз. Сожалею только, что свойства статьи^[9] Бастиана не позволили нам воспользоваться мнениями авторов, придерживающихся одинаковых с нами взглядов. Это придало бы больше убедительности нашим выводам.

Из сделанного выше обзора мнений обо амазонках явствует, что классическое предание во всем его объеме признается истинным только лицами, не обладающими даром критики. Большинство же не считает даже нужным

⁹ Статья эта есть, по-видимому, только материал, приготовленный автором для обширного исследования об амазонках. Она написана весьма сжато и состоит из цитат, извлеченных из разных авторов, но расположенных без всякой системы. Для большей части этих цитат не указано название сочинения, служившего источником, и потому я не мог воспользоваться ими.

объяснять, почему оно не допускает существования амазонок. Такое отношение большинства к преданию совершенно понятно: среди многочисленных рассказов об амазонках древних и новых нет ни одного, на который мы могли бы положиться как на рассказ очевидца, умеющего наблюдать. Таким образом, классические амазонки представляют явление необычайное, идущее вразрез со всем тем, что нам известно достоверно о формах общежития как в древности, так и в настоящее время. Действительно, все существующие ныне и существовавшие прежде человеческие общества или группы, начиная от самой простой и первобытной формы семьи и кончая самой сложной — современным цивилизованным государством, представляют одно и то же явление: подчинение женских неделимых мужским. Можно сказать, что нет ни одного принципа, который был бы с такой последовательностью проведен через всю историю человечества, как вышеуказанный. Современная цивилизация смягчила несколько его суровость, но чем более удаляемся мы в прошедшее или в страны, лежащие вне образованного мира, тем яснее становится его действие. Я не считаю нужным приводить доказательства в подкрепление сказанного, так как всякий, следящий за положением так называемого женского вопроса, может сам оценить живучесть и силу означенного принципа, если обратить внимание на то, что борьба идет даже не из-за отмены принципа в полном его объеме, а из-за отмены некоторых частных его применений.

Нам могут указать, конечно, на привиденную выше цитату из сочинения Бастиана как на доказательство тому, что нечто подобное амазонскому государству существует у южно-африканских племен. Но дело в том,

что у них нет полного разделения полов, как это было у амазонок, а только временное преобладание женского пола над мужским. Поэтому явления, наблюдаемые у некоторых южноафриканских племен, могут быть приводимы в доказательство справедливости только рассказа Диодора Сицилийского, но никак не рассказа Страбона и других классических авторов об амазонках, живших в Малой Азии и на Кавказе. Справедливость же этого последнего рассказа не подтверждается ни общими соображениями, ни достоверными свидетельствами, ни, наконец, какими-либо аналогичными явлениями среди ныне существующих племен.

Насколько мне известно, до настоящего времени не было обращено должного внимания на тот замечательный факт, что величайшее открытие Средних веков, я подразумеваю открытие Америки, произвело, в первое время по крайней мере, влияние, совершенно обратное тому, которое обнаружилось впоследствии. Открытие новых племен человеческих и новых, часто причудливых, форм животных и растений расширило, без сомнения, кругозор ученых и дало им возможность сделать весьма важные сравнения и обобщения. Но несомненно также и то, что на большинство открытие произвело совершенно обратное влияние: пораженные странной наружностью и образом жизни вновь открытых людей и невиданными формами животных и растений, населявших новую землю, европейцы верили всем чудным рассказам, распространяемым, с умыслом или по недоразумению, людьми, побывавшими в Новом Свете. Явление это понятно, и оно только доказывает громадное значение открытия. Америки для умственного развития Европы. Действительно, ввиду того, что невозможное до тех пор оказалось возможным, кто мог при тогдашнем

состоянии знаний определить, до каких пределов будет отнесена граница возможного; кто мог сказать вперед, на чем остановится своеобразность открываемых форм? Всякий критерий был потерян, и приходилось верить всем рассказам, принесенным из Нового Света, так как не верить им не было основания. Конечно, сильный ум мог бы и в то время отделить возможное от невозможного, но только в таком случае, если бы ему была представлена разом полная картина Нового Света. Тогда он усмотрел бы, что при всей пестроте и оригинальности этой картины в ней видны знакомые основные черты. Но когда глазам являлись только мельчайшие части картины, когда даже и знакомые формы не были приведены в стройную систему, тогда и сильный ум оказывался бессильным и уступал перед напором новых фактов.

Таким образом, мы видим, что с открытием Америки совпадает возрождение и перенесение на вновь открытую почву всех тех чудных существ, которые, по рассказам классических писателей, обитали когда-то за пределами Древнего мира. Пробегая рассказы первых европейцев, вступивших на американский материк, мы встречаем повествования о безголовых, безногих, одноглазых и т. п. существах, человеческих и животных. Среди этих возобновленных сказок и преданий, рассказы об амазонках играют наиболее видную роль.

Намеки на существование амазонок мы встречаем уже у первых европейцев, вступивших на американский берег. Так Колумб (1435–1506) рассказывает в описании своего второго путешествия (он отплыл из Кадикса 25 сентября 1493 года), что около острова Святого Креста (Santa Croce — один из Малых Антильских островов) корабль его был встречен лодкой (каное), в которой

сидели мужчины и женщины и некоторые из этих последних с такой же яростью, как и мужчины, защищались против испанцев. Затем, когда Колумб хотел высадиться на о. Гваделупа, то встретил такое сопротивление со стороны вооруженных женщин, что должен был отказаться от своего намерения^[10].

Вскоре, а именно с углублением европейцев внутрь материка, рассказы об амазонках сделались более подробными и вместе с тем более сходными со своим классическим образцом. Одной из самых известных, как по открытиям, так и по сопровождавшим ее жестокостям экспедиций внутрь Америки была экспедиция Фердинанда Кортеса (1485–1554), предпринятая им в 1519 году для завоевания Мексики. Историю своих походов в Америке Кортес изложил в четырех рассказах о Новом Свете, и в последнем из них мы встречаем известие о том, что на каком-то острове Кагета (Cageta) живут одни женщины, которые только по временам посещаются мужчинами. «Эти женщины, говорит Кортес, бросают родившихся у них мальчиков, девочек же оставляют при себе и воспитывают».

В 1539 году испанский мореходец Франциск де Орельяна поднялся впервые вверх по величайшей реке Южной Америки, которая и была первоначально названа в честь его Орельяной, но вскоре переименована в Амазонскую, так как Орельяна привез в Европу известие, что на берегах этой реки обитают воинственные женщины, владеющие луком и стрелами и обрабатывающие свои поля. Они живут, рассказывал Орельяна, совершенно отдельно от мужчин и только в

¹⁰ Как эти, так и последующие факты заимствованы из соч.: Штриккера. Die Amazonen in Sage and Geschichte.

определенное время посещаются мужчинами соседнего племени. Дети, рождающиеся после этих ежегодных посещений, распределяются следующим образом: девочки остаются и воспитываются у матерей, мальчики же отдаются отцам.

По словам Ерреры (Herrera — испанский историк (1565–1625), приведенные выше сведения были получены Орельяной от одного кацика при устье реки Напо^[11], который сообщил также, что в стране, лежащей далее, испанцы найдут огромное количество золота.

То же самое рассказывал Орельяна, когда он подвинулся на несколько сот миль вверх по реке, и кацик Опурия, выразивший сомнение в том, чтобы испанцы, число которых было очень незначительно, могли посетить воинственных женщин. И действительно, когда они, проплыв несколько миль далее, хотели высадиться на берег, то индейцы встретили их градом стрел. Между индейцами испанцы заметили 10–12 женщин, которые не только сами защищались с величайшей яростью, но побуждали к тому же и мужчин, угрожая убить всякого, кто осмелился бы бежать под влиянием страха. Эти женщины, рассказывает Орельяна, были высокого роста и крепкого сложения, с приятными чертами лица; их длинные косы были обернуты около головы; они не имели никакой одежды, а только оружие, состоявшее из дубинки, лука и стрел. Битва была очень упорна, и только после того, как 7 женщин были убиты, индейцы обратились в бегство.

Известия, подобные приведенным выше, были почти в то же время принесены в Европу также и из испанских

¹¹ Приток Амазонской реки, с левой стороны, в республике Эквадор.

владений к югу от Амазонской реки. В 1541 году испанский губернатор Парагвая Альфонс Нуньес Кабесо де Вега (Kabezo de Vega) отправился вверх по реке Парагвай с целью проникнуть в Перу — в золотую страну, о которой так много рассказывали индейцы. Помощник его Ернандо ди Рибейра (Hernando di Ribeira) отправился с той же целью на озеро Харайес (Harayes), представляющее обширную, периодически затопляемую низменность между 15 и 20° южной широты. Доверяя указаниям индейцев, которые отсылали его все далее и далее к воинственным женщинам, имевшим будто бы даже домашнюю утварь из белого и желтого металлов, Рибейра несколько месяцев блуждал по затопленным водой местностям, пока голод и болезни не принудили его возвратиться назад.

Через сто лет после Орельяны показание его относительно амазонок было подтверждено Христофором д'Акунья (Christopher d'Acugna), который в 1639 году отправился из Перу вниз по Амазонской реке для открытия золотой страны. В своем описании путешествия (*Voyages and discoveries in South America*. London, 1698) д'Акунья утверждает, что от всех племен, посещенных им во время пути, он слышал рассказы, подтверждающие существование амазонок. В особенности подробные сведения о месте обитания их и обычаях были доставлены племенем Тупинамбас. Затем в названном сочинении д'Акунья излагает сами рассказы, которые ничем не отличаются от преданий классических писателей об амазонках. Один из индейцев сообщил даже, что, будучи еще мальчиком, он был вместе с отцом своим у амазонок и видел, как все рожденные амазонками дети мужского пола были отданы прибывшим за ними отцами. Иезуиту Циприану Базарре (Bazarre),

жившему в конце XVII века среди племени Тапакура, индейцы рассказывали будто бы то же самое, с той только разницей против рассказа Страбона, что рождающиеся у американских амазонок мальчики были ими немедленно умерщвляемы.

Французский астроном Шарль Мария де Кондамин (Condamine), совершивший по поручению Парижской академии в 1744 и 1745 годах путешествие вниз по Амазонской реке, рассказывает в своем «Relation abregee d'un voyage fait dans l'Amerique meridionale» (Mastricht, 1778), что от различных индейских племен, виденных им во время плавания по реке, он слышал сходные между собой в главных чертах рассказы об амазонках. Все рассказчики утверждали также, что амазонки на главной реке более уже не живут, а переселились к северу на Рио-Негро или на какой-то другой из северных притоков Амазонской реки. В форте Святого Иоахима на Рио-Бранко Кондамин узнал от одного из индейцев, что на реке Коари живет старик, отец которого видел амазонок. Кондамин, прибыв на реку Коари, не застал уже этого старика в живых, но от сына его Пунилья, главы племени, узнал, что дед этого последнего несколько раз имел случай видеть амазонок на реке Кучивара, куда они пришли с устья реки Кайаме, с южной стороны, из местности между Тефе и Коари. Четырех таких женщин Пунилья видел сам в то время, когда они поднимались вверх по Рио-Негро; одна из них держала на руках ребенка. Подобные же сведения Кондамин получил и в местностях ниже реки Коари.

Через 30 лет после Кондамина, именно в 1774 году, путешествие по Амазонской реке и ее северным притокам совершил португальский астроном Рибейро, который подтвердил все рассказы об амазонках, собранные

Кондамином. Он имел случай видеть одного человека, помнившего главу племени Пунилью и слышавшего от него рассказы об амазонках и их переселении.

О существовании амазонок к северу от великой реки, а именно в Гвиане и на реке Ориноко, имеются, впрочем, и более ранние сведения. Так из описания Гвианы, составленного известным своими похождениями Вальтером Ралеем (Walter Raleigh; 1552–1618), мы узнаем, что в его время к востоку от Гвианы жили амазонки, по имени которых была названа великая река Амазонская. Амазонки, рассказывает Ралей, — это женщины, не терпящие среди себя мужчин; с юных лет они принимают участие в кровопролитных войнах, которые постоянно ведут с своими врагами, и только в течение одного месяца в году, как говорят — в апреле, они соединяются с мужчинами для продолжения своего рода. Для этой цели все цари соседних племен сходятся с амазонками, способными быть матерями, и царица амазонок избирает для себя по своему вкусу одного из царей, а для остальных выбор совершается посредством жребия. Таким образом мужчины и женщины живут вместе целый месяц среди веселья, игр и плясок, едят и пьют по своему обычаю и затем, когда месяц приходит к концу, расстаются и каждый возвращается в свою страну. Когда после подобного посещения мужчин у амазонок рождаются дети, то мальчиков они отсылают к отцам, а девочек оставляют у себя и воспитывают. Амазонки имеют очень много золота, которое получают от соседей в обмен на какие-то зеленые камни.

Подобный этому рассказ передает и миссионер Джили (Gili), живший на Ориноко; вся разница в том, что, по сведениям, полученным им от индейцев, амазонки

жили на реке Кучивара и рождающихся детей мужского пола не возвращали отцам, а умерщвляли.

Этим я закончу перечень путешественников, удостоверяющих существование амазонок в Америке, но, прежде чем перейти к дальнейшему изложению, считаю необходимым привести слова известного немецкого путешественника Рихарда Шомбургка (Schomburgk; p. 1304), который во время пребывания своего в Британской Гвиане обратил внимание свое на рассказы об амазонках. Упомянув о том, что эти рассказы можно еще и теперь слышать от некоторых племен, населяющих Гвиану, например от аравааков на реке Демерера, и что один из предводителей этого племени указывал на своего брата, как на имевшего случай неоднократно посещать амазонок, Шомбургк продолжает: «К сожалению, надежды наши получить более подробные и определенные сведения об этих сказочных мужеподобных женщинах не только не оправдались, но, напротив того, поездка наша на реку Корентин вытеснила амазонок и из последнего их убежища. Причину этих столь распространенных рассказов надо, во всяком случае, искать в воинственности характера женщин различных племен Нового Света. На реке Эсеквибо (в Британской Гвиане) еще и в настоящее время распространено сказание, что женщины племени карибов сопровождали своих мужей на войну, причем вооружались не только луком, но и боевой дубинкой. Если принять во внимание те жестокие испытания (например, нанесение себе ран и натирание их перцем, молчание, пост и т. п.), которым должны подвергать себя карибские девушки и которые они переносят с удивительным терпением, то храбрость их на войне не представляет ничего невероятного».

Постараюсь теперь извлечь наиболее существенное из собранного на предыдущих страницах материала. Мы замечаем, что:

1) первые европейцы, ступившие на Американский берег, не говорят ни слова об амазонках в смысле классических писателей;

2) ранее других о существовании в Америке женщин, подобных классическим амазонкам, упоминает Ф. Кортес, в рассказе которого нет точного указания на то, где именно они живут, а только называется остров Кагета, без ближайшего определения его положения;

3) все дальнейшие показания путешественников заключают в себе почти буквальное повторение классического рассказа об амазонках, без каких бы то ни было новых существенных подробностей. Появление подобных рассказов совпадает с движением европейцев внутрь материка;

4) во всех подробных рассказах об амазонках упоминается, что они очень богаты золотом и серебром;

5) ни один из путешественников, упоминающих об амазонках в Америке, не видел их сам, а каждый передает только слышанное будто бы от туземцев, которые, в свою очередь, основывались на слухах;

6) по общему отзыву путешественников, основанному на показаниях туземцев, амазонки обитали на Амазонской реке, а затем переселились на северные ее притоки. Двое из путешественников упоминают об амазонках в Гвиане и на реке Ориноко. Вообще они жили в пределах области, сделавшейся ранее других известной европейцам, и именно в тех местностях ее, по которым

проходили европейцы, думая проникнуть в золотую страну (Эльдорадо);

7) по мере того как европейцы познакомились с Южной Америкой, местопребывание амазонок указывалось все далее и далее, в странах еще неисследованных. Когда же и эти последние выступали мало-помалу из опутывавшей их таинственности, тогда амазонки вновь отодвигались в страны неизвестные, и так продолжалось до тех пор, пока точное исследование Шомбургком Британской Гвианы не вытеснило их, как выражается этот путешественник, из последнего убежища (Schlupfwinkel).

Обратим теперь внимание на область, в которой, по рассказам, обитали амазонки. Область эта, как уже было сказано, включает в себя бассейны рек Амазонской и Ориноко и страны, прилежащие к Караибскому заливу и известные под именем Английской, Голландской и Французской Гвиан. Но словам Причарда^[12], большая часть туземных племен, обитающих к северу от реки Ла-Платы на реках Амазонской и Ориноко, а также в Гвиане, должна быть отнесена к одному большому семейству Тупи-Гуарани.

Границы области, обитаемой этим семейством, Причард определяет следующим образом: «Восточными народами Южной Америки, — говорит он, — я называю туземцев „Banda oriental“, то есть тех областей, которые простираются к северу от Рио-де-Ла-Платы вдоль берега Атлантического океана до рек Амазонской и Ориноко и затем вдоль берегов *Terrae firmae*, под каковым именем

¹² *Prichard J. C.* «Naturgeschichte des Menschengeschlechts» uebers. von Dr. Rudolph Wagner. Vierter Band. С. 516 и сл.

известна северная часть Южно-Американского континента, прилегающая к Мексиканскому заливу. Западная или внутренняя граница этой области, или, скорее, группы народов, ее населяющих, с точностью не определена».

Наиболее распространенная группа племен, принадлежащих к этому семейству, известна под именем Тупи и отличается желтоватым цветом кожи с легкой примесью желто-красного, и маленьким ростом (от 5 ф. до 5 ф. 4 д.). Они плотного или массивного телосложения, имеют широкую и высокую грудь, сильно развитые бедра, полные, округленные, без выдающихся мускулов конечности и небольшие руки и ноги. Они имеют длинные, прямые, толстые и густые волосы, а борода и усы состоят из нескольких коротких, прямых волосков. Эта почти полная безбородость увеличивается еще искусственным выщипыванием волос. Женщины малы ростом, плотного, широкого сложения.

Уже в этом описании племен Тупи, составленном Причардом на основании сведений, собранных путешественниками (преимущественно Альсидом д'Орбиньи), проглядывает характерная черта в телосложении туземцев, а именно наружное сходство с женщинами. Прямое указание на это сходство находим у Дарвина в последнем его сочинении о происхождении человека. На с. 357 ч. 2^[13] он говорит, что «по обилию волос и общему складу тела между полами американских туземцев меньше разницы, чем у большинства других человеческих рас».

¹³ Как эта, так и последующие цитаты взяты из русского перевода, сделанного под редакцией Сеченова (Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор Л 871. — Изд.).

Другое, еще более бросающееся в глаза сходство с женщинами, — обычай носить длинные волосы на голове и отсутствие бороды — также подтверждается многочисленными фактами, собранными в том же сочинении Дарвина: «На всем Американском континенте мужчин можно назвать безбородыми; но почти у всех племен появляется иногда по несколько коротких волос на лице, особенно в старости. Относительно племен Северной Америки Кетлин полагает, что на двадцать мужчин восемнадцать от природы лишены бороды; но что случается иногда встретить мужчин, пренебрегших вырвать волосы при достижении возмужалости, с мягкой бородой в дюйм или два длины. Парагвайские гуараны отличаются от всех соседних племен тем, что имеют хоть небольшие бороды и даже несколько волос на теле; но и у них нет бакенбард. Я слышал от м-ра Форбса, обратившего особенное внимание на этот предмет, что аймары и квехи в Кордильерах примечательно бедны волосами на лице, но что в старости и у них появляется иногда немного волос на подбородке. В этих двух племенах у мужчин очень мало волос на частях тела, где они растут густо у европейцев, а женщины вовсе не имеют волос на соответственных частях. Между тем волосы на голове достигают чрезвычайной длины у обоих полов и иногда спускаются почти до земли; то же повторяется у некоторых из североамериканских племен» (Ч. 2. С. 357).

«У некоторых из североамериканских племен волосы на голове вырастают до чрезвычайной длины, и Кетлин приводит любопытное доказательство уважения, которым они пользуются; именно предводитель племени Крау был избран в этот сан потому, что волосы его были длиннее, чем у всех других мужчин племени: они имели

десять футов и семь дюймов длины. Аймары и квехи в Южной Америке также отличаются длинными волосами, и длина волос, как сообщает мне м-р Форбс, считается такой красотой, что отрезание волос служит для них самым страшным наказанием. На обеих половинах материка туземцы иногда увеличивают видимую длину волос, вплетая в них волокнистые вещества. Несмотря на то что волосы на голове так ценятся, иметь волосы на лице считается североамериканскими индейцами крайне вульгарным и они тщательно вырывают каждый волосок. Этот обычай существует на всем Американском материке до острова Ванкувер на севере и Огненной Земли на юге. Этот обычай доведен до такой крайности, что индейцы в Парагвае вырывают себе брови и ресницы, говоря, что они не желают быть похожими на лошадей. Замечательно, — прибавляет Дарвин, — что на всем земном шаре племена, почти совершенно лишенные бороды, не терпят волос на лице и теле и старательно вырывают их. Калмыки безбороды и, как известно, они, подобно американцам, уничтожают всякий волосок на лице... С другой стороны, бородатые расы восхищаются своими бородами и высоко ценят их» (Ч. 2. С. 387 и 388).

Сходство между мужчинами и женщинами у американских племен было замечено также и Пикерингом (Pickering): «Одна из особенностей монгольской (и американской) расы, — говорит он, — заключается в женской наружности у обоих полов, в отсутствии какой-нибудь выдающейся разницы в сложении и одежде, так что иностранец часто затрудняется отличить мужчину от женщины» (цит. в ст. Бастиана, с. 181).

Мне кажется, что уже указанных особенностей в наружности американских туземцев было достаточно для

того, чтобы дать европейцам повод к рассказам об амазонках. Выше было уже упомянуто о столкновении, которое имел Колумб с индейскими женщинами при попытке высадиться на остров Святого Креста. Если это были действительно женщины, то европейцы могли убедиться, что жены индейцев отличаются не менее мужчин мужеством и яростью. Когда затем европейцы проникли далее в страну и достигли реки Амазонки, то естественно, что они, зная уже о воинственности индейских женщин, были обмануты наружностью индейцев и приняли за женщин враждебные толпы мужчин, встречавшиеся им на пути. Таким образом было дано начало рассказам о существовании в Америке государств, состоящих из воинственных женщин-амазонок. Могут заметить, что это объяснение слишком просто и потому уже неправдоподобно и что если ошибка такого рода и была возможна, то только в виде отдельного случая и должна была бы немедленно обнаружиться. Отвечу на это, что для уразумения истинной цены высказанного мною предположения необходимо поставить себя на место людей тогдашнего поколения. Нам, жителям больших городов, различные породы людей известны или из собственного наблюдения или по рисункам и рассказам. То, что мы видим и слышим с детских лет, не кажется нам необыкновенным, и потому мы, вероятно, не впадем в ошибку при посещении какой-нибудь новой для нас страны. Но не в таком положении находится человек, не имевший случая вращаться среди людей различных пород или, по крайней мере, ознакомиться с ними по рисункам и рассказам. Все особенности какой-нибудь расы, переставшие даже быть заметными для людей, присмотревшихся к ним, бросаются ему в глаза и кажутся

тем страннее и иногда ужаснее, чем менее он привык к мысли о разнообразии человеческих типов. Можно сказать положительно, что различные породы людей при первом столкновении внушают одна другой прежде всего отвращение и даже ужас и что только цивилизация и привычка уничтожают эти чувства. Факт этот можно подтвердить многочисленными примерами.

«На наши глаза, — говорит Дарвин, — носы далеко не слишком длинны у туземцев Цейлона, но китайцы VII столетия, привыкшие к плоским чертам лица монгольской расы, были поражены выдающимися носами сингалезцев, и Тсанг, описывая их, говорит, что у них клюв птицы на человеческом туловище» (Происхождение человека... Ч. 2. С. 383).

«Негры смеялись над Мунго-Парком за белизну его кожи и его длинный нос, считая это безобразным и неестественным. Африканские мавры также морщили брови и ужасались перед белизной его кожи. На восточном берегу негритята, увидав Бёртона, начали кричать: „Посмотрите на белого человека, разве он не похож на белую обезьяну?“» (Там же. С. 385).

Впрочем, нам нет надобности ходить далеко за примерами: чтобы судить о впечатлении, производимом одной породой людей на другую, достаточно обратить внимание на выражение лица простолюдина, прибывшего впервые в столицу и случайно встречающего негра.

Итак, поставим себя на место испанцев, столкнувшихся в Новом Свете с туземным племенем, у которого характерные черты были, быть может, выражены наиболее резко. Что должны были подумать они при виде толпы женоподобных существ, безбородых,

с длинными, чуть не до земли, волосами? Уже давно сказано, что «когда человек останавливается по недостатку знания, то он берет самого себя мерою всего» (Вико). Естественно, что испанцы, привыкшие к резкой разнице между мужчиной и женщиной как в наружности, так и в одежде, приняли эти толпы за толпы женщин. Конечно, ученый этнограф не дался бы так легко в обман: он сначала исследовал бы туземцев и указал бы на их странную наружность. Но испанцы, прибывшие в Америку, не были учеными и не преследовали ученых целей в своем путешествии. Для них было достаточно видеть толпу женоподобных существ, для того чтобы заключить, что это действительно женщины. Заключение тем более основательное, что испанцы уже в первые дни своего пребывания в Америке имели случай убедиться в воинственности туземных женщин. К тому же и обстоятельства весьма мало благоприятствовали ученым наблюдениям: молва всюду предшествовала испанцам, и при приближении их туземцы оставляли свои селения, так что испанцам часто приходилось видеть их только в пылу битвы, среди густых лесов, окаймлявших берега Амазонской реки.

Таким образом было, по нашему мнению, возобновлено на американской почве предание об амазонках. Известия о них были принесены в Европу, и так как Новый Свет был в то время страной всевозможных чудес, то рассказы об амазонках не возбудили никаких сомнений. Напротив того, все говорило в пользу их достоверности. Путешествие Колумба было, как известно, предпринято с целью открытия морского пути в богатую Индию. Еще задолго до своей экспедиции Колумб внимательно изучал все сведения об Азии, оставленные как древними, так и

позднейшими историками и географами. Основываясь на описании Азии Марко Поло, он рассчитывал достигнуть прежде всего острова Сипонго и берегов Китая (Cathay), составляющих восточную окраину Азии, и поэтому запасся даже письмами от Фердинанда и Изабеллы к великому хану Татарию. Человек, страстно преданный какой-нибудь мысли, охотно объясняет в пользу своего предположения такие обстоятельства и явления, несостоятельность которых очевидна для людей непредубежденных. Так было и с Колумбом. Убедившись после долгих колебаний, что открытая им страна не есть царство великого хана, он узнавал в ней какую-нибудь другую часть Азии и утешал себя тем, что искомое царство рано или поздно будет наконец достигнуто. Но Колумбу не было суждено дождаться этой радостной минуты: он умер, не зная, что царство великого хана отделяется от Европейского берега великим материком и двумя океанами. Его современники и последователи продолжали исследования мнимой Азии, и вот почему с открытием Америки совпадает возрождение и перенесение на вновь открытую почву всех тех чудных существ, которые, по рассказам классических писателей, обитали когда-то в Азии и за пределами мира, известного древним. Молва о существовании царства воинственных женщин на берегах Мараньона послужила, вероятно, также одним из доказательств справедливости предположения Колумба: воинственные женщины были признаны амазонками, и вот почему мы замечаем, что все рассказы об амазонках в Америке представляют буквальное повторение рассказов древних поэтов, историков и географов. Сходство это до такой степени очевидно, что о самостоятельном происхождении американского рассказа нечего и думать, так как

незначительные варианты зависят, очевидно, от источника, из которого рассказчик черпал свои сведения о древних амазонках.

Мне могут заметить, что не одни европейцы рассказывали об амазонках в Америке, но также и индейцы, и что если многие путешественники только приписывали туземцам подобные рассказы, то нельзя заподозрить в таком обмане путешественника, подобного Шомбургку, который желал сам разъяснить, насколько рассказ этот справедлив, и убедился в том, что он действительно существует среди туземцев. Обстоятельство это, кажется мне, можно объяснить весьма просто. Быть может, какое-либо из индейских племен, мужчины которого имели бороды, называло презрительно женоподобными или женщинами мужчин другого племени, отличавшихся в особенности женоподобной наружностью^[14]. Это название могло дать повод европейцам предположить, что индейцы подразумевают тех самых воинственных женщин, которых первые путешественники думали видеть на берегах Мараньона. Могло быть и так, что одно племя действительно считало другое состоящим только из женщин. В таком случае рассказы и расспросы европейцев про амазонок весьма легко могли быть усвоены индейцами и затем распространены ими на далекое расстояние. Известно, что испанцы не были желанными гостями в Америке. Их движение внутрь

¹⁴ Подобное предположение, в применении к древним амазонкам, находим еще у Палефата (Palaphatus) в сочинении его «о невероятных баснословных рассказах»: «Про амазонок говорят, что это не женщины, а мужчины-варвары, которым враги их дали бранное название женщин за то, что они, подобно фракийским женщинам, носили длинные, спускающиеся до ног туники, связывали волосы повязкой и стригли себе бороду».

материка, вызванное жадной охотой за золотом — Эльдорадо, сопровождалось такими насилиями и жестокостями относительно туземцев, что они сразу стали во враждебное положение к завоевателям. Слухи о несметных богатствах Эльдорадо привлекли в Америку целые толпы искателей приключений, единственным желанием которых было обогатиться во что бы то ни стало и какими бы то ни было средствами. Первые вопросы, которые предлагались индейцам, были: есть ли у вас золото и как проникнуть в золотую страну? Эта жажда золота высказалась, можно сказать, с первых минут знакомства индейцев с европейцами: люди Колумба не церемонились даже прямо обирать с туземных женщин все находившиеся на них золотые украшения. Понятно, что при таких обстоятельствах взаимные отношения не могли быть дружелюбными. Индейцы вскоре поняли, с кем они имеют дело, и старались всеми средствами погубить испанцев и воспрепятствовать их поступательному движению. Не имея возможности противиться открытой силой, они, пользуясь жадностью испанцев, прибегали к разного рода хитростям. Так мы знаем, что индейцы, спрошенные о пути в золотую страну, умышленно направили Рибейро на озеро Хорайес, с которого он должен был после долгих странствований возвратиться назад вследствие голода и болезней.

У испанцев существует поговорка: «Никогда, никогда не верь индейцу». Я полагаю, что эта поговорка есть результат ближайшего знакомства испанцев с индейцами и что если эти последние не отличались развитыми нравственными чувствами, то и испанцы не могли похвалиться ими, так что индейцы еще с большим

правом могли бы создать поговорку: «Никогда, никогда не верь испанцу».

Итак, индейцы, встречаясь с испанцами, подвергались расспросам о золоте и об амазонках, свирепости которых испанцы, как кажется, опасались. Таким образом представления о золоте и об амазонках соединились в уме индейцев в одну картину. Желая отвлечь испанцев от их стремления внутрь страны, индейцы изобретали всевозможные препятствия, представляли путь в золотую страну затруднительным обставленным разными препятствиями и опасностями. Заимствовав от испанцев сведения об амазонках, они впоследствии, в свою очередь, сообщали их испанцам, которые таким образом были обмануты ложным слухом, ими выпущенным в ход. Рассказы об испанцах передавались быстро от одного племени другому, а вместе с ними и рассказы об амазонках и о золоте, которое ищут испанцы. Вот почему амазонки и драгоценные металлы во всех рассказах встречаются вместе.

С течением времени оболочка таинственности, опутывавшая Америку, мало-помалу рассеялась и вместе с ней исчезли надежды открыть страну, в которой жилища и утварь были сделаны из чистого золота. Но рассказы об амазонках держались упорно, хотя никто не мог сказать, что видел их лично. Излагая отчеты путешественников, я указал уже, как тщетны были старания их повидать амазонок: они как бы избегали любознательных глаз и удалялись от тех мест, которые посещались европейцами. Эти переселения, как известно, продолжались до тех пор, пока исследования Шомбургка не доказали, что амазонок нет и в последнем убежище их — в Гвиане. Эти переселения, вместе с

однообразием рассказов и отсутствием личных свидетельств, доказывают, по моему мнению, самым неопровержимым образом, что индейцы заимствовали сведения об амазонках у испанцев и затем распространили их в надежде остановить движение своих белых врагов.

* * *

На Европейском материке амазонки существовали в Богемии и Финляндии. В *Historia bohémica* Энея Сильвия Пикколомини, бывшего папой под именем Пия II (1458), рассказывается, что по смерти богемской королевы Либуссы, или Любуши, подруга ее Власта основала в Богемии около 740 года род государства амазонок, которые несколько лет владели крепостью Девин и господствовали над окрестностями, пока наконец мужчины хитростью и силой не завладели Девином и тем не положили конец царствованию Власты^[15]. Не привожу всех подробностей этого рассказа, так как не имею никаких данных к решению вопроса о его происхождении. Замечу только, что по содержанию он имеет некоторое сходство с рассказами классическими. Предания о финских амазонках основаны на неправильном толковании значения одного слова: случайное сходство между шведским словом *Quinna* — *женщина* и названием одного из финских племен — *Квены* и страны их — *Квенландия* дало повод думать, что на севере от Балтийского моря живут амазонки.

«Существование такого народа положительно утверждалось многими из ранних европейских

¹⁵ См. Богемская война женщин // Толль Ф. Настольный Словарь.

историков»^[16]. Указание на них встречаем, между прочим, у Адама Бременского.

Об амазонках в Африке мы имеем рассказ Диодора Сицилийского, современника Цезаря и Августа, в его *Bibliotheca historica*, и рассказы миссионера Хуана де Сантоса и Эд. Лопеца. Амазонки Диодора Сицилийского отличались от амазонок Страбона тем, что не составляли чисто женского государства, а только господствующий класс в государстве. Они вели войны, занимали общественные должности и вообще управляли всеми государственными делами.

«Мужчины же, — говорит историк, — были там в таком же положении, в каком у нас находятся женщины».

Каждая женщина была обязана прослужить определенное время, причем сношения с мужчинами во время службы не допускались. По окончании же срока службы они соединялись с мужчинами для продолжения своего рода. Рождавшиеся мальчики отдавались немедленно мужчинам, которые выкармливали их молоком и другими вареными яствами, смотря по возрасту ребенка. Девочек же амазонки оставляли у себя и выжигали им груди, для того чтобы во время зрелости было удобнее владеть оружием. Вследствие отсутствия груди греки и называли их амазонками. Этих амазонок Диодор считал более древними, чем термодонских. Место жительства их он определял «в западных частях Ливии, на краю света». Так как название Ливии давалось в древности как всей Африке, так и северной части Египта до Аравийского залива, то я не берусь определить, какую именно часть Африки подразумевал Диодор в

¹⁶ Бокль. История цивилизации. Т. 1. Гл. 6.

приведенных выше словах. Сомневаюсь, впрочем, чтобы и сам он был в состоянии дать более точное определение, так как рассказ получен им самим далеко не из первых рук. Еще труднее сказать что-либо положительное о происхождении этого рассказа, так как мы не имеем сведений о народах, населявших Африку в столь отдаленное время. Можно предположить, однако, что поводом к рассказу об амазонках в Африке послужили не те обстоятельства, на которые мы указывали, как на источник рассказов об амазонках американских. По крайней мере, мы не имеем никаких данных для того, чтобы утверждать, что африканские племена отличались, подобно американским, сходством мужских и женских неделимых. Да и кроме того, женоподобность мужчин дала начало, как мы уже показали и покажем еще далее, рассказам о государствах, состоящих только из женщин. Государство же Диодора было основано на гинейкократии, то есть на господстве женщин над мужчинами.

Это последнее обстоятельство дает повод А. Бастиану^[17] предположить, что приводимый Диодором рассказ обязан своим происхождением таким явлениям, которые и ныне можно наблюдать среди южно-африканских племен: «Это положение вещей (то есть устройство амазонского государства Диодора), — говорит Бастиан, — подобно тому, которое нашел Ливингстон в Южной Африке и которое может и теперь возникнуть каждую минуту в той или другой части Африки как следствие соперничества полов и стремления образуемых каждым из них тайных союзов приобрести перевес друг над другом. По словам Барта, в Банаме и

¹⁷ Zur Ainazonen-Sage. P. 177.

Багирми полевые работы исполнялись не женщинами (как это бывает обыкновенно в Судане), а мужчинами, так как первые приобрели перевес над последними».

Таким образом, мы имеем основание допустить, что рассказ об африканских амазонках имеет самостоятельное происхождение. Сходство некоторых черт в рассказах Диодора и Страбона не может служить, по нашему мнению, доказательством влияния одного на другого. Действительно, способ распределения детей, одинаковый как у африканских, так и у азиатских (кавказских) амазонок, является как необходимое следствие амазонского образа жизни, и потому выводы, основанные на этом сходстве, нельзя считать убедительными.

Некоторые, желая подтвердить возможность существования амазонского государства, указывают на тот факт, что у дагомейского короля существовала или существует женская стража из 10 полков, по 600 женщин в каждом^[18]. Мне кажется, что доказательство это не совсем удачно. Сущность амазонского государства — независимость женщин и подчинение им мужчин. Женское же войско в Дагомее повинуетя королю-мужчине и содержится им в строгой дисциплине. Существование этих полков доказывает поэтому, что в Дагомее женщины подчинены мужчинам более, чем в какой-либо другой варварской стране, так как нигде женщины не участвовали в войнах организованными отрядами, как это было в Дагомее в XVIII веке в

царствование Гуадья Трудо^[19]. Вопрос еще и в том, существовало ли подобное войско в древности или же было заведено в недавнее время каким-нибудь королем-самодуром.

«Образ правления в Дагомее деспотический во всей его первобытной чистоте. Нигде абсолютизм не проявляется с равной суровостью. Жители Дагомея признают за своим королем как бы божественное право подвергать их самым ужасным жестокостям. Утверждать, что король Дагомея смертен, как и все люди, что он ест, пьет и спит, есть оскорбление величества. Король имеет монополию на женщин. Каждый, желающий получить женщину, обязан заплатить за нее королю 20 тысяч каури и, кроме того, валяться в пыли пред дверью его дворца».

Позднейшие указания на амазонок в Африке принадлежат, как сказано, миссионеру патеру Хуану дос Сантос (P. Juan dos Santos et P. Labat. *Descriptiori de L'Ethiopie orientale*) и португальскому матросу Эдуарду Лопесу, со слов которого Филипп Пигафетта составил и издал в 1598 году описание королевства Конго. Первый из них рассказывает, что он жил будто бы в женском государстве Дамут в Африке, второй — что амазонки обитали в области Монопотама, между 16 и 19° южной широты. В обоих рассказах повторяется, по словам Штриккера, древняя тема: амазонки сходятся с соседним племенем и убивают рождающихся мальчиков. Вся разница состоит в том, что, по Сантосу, девочкам выжигали правую, а по Лопесу, левую грудь.

¹⁹ *Ritter Karl*. *Geographie générale comparée*. Bruxelles, 1837. P. 166

Я не берусь разъяснить причины, давшие повод к возобновлению этих рассказов. Быть может, оба автора сочли необходимым включить в свои описания все, что им было известно об Африке от древних писателей. Но могло случиться и так, что как Сантос, так и Лопес имели сведения о тех явлениях в жизни южно-африканских племен, которые Бастиан считает источником рассказа Диодора об амазонках.

Предание об амазонках имеет весьма древнее происхождение. Это имя встречается уже в Илиаде Гомера. Я не буду касаться причин, создавших впервые это предание, а остановлюсь на тех рассказах, которые оставлены нам многими классическими историками и географами (Геродот, Гиппократ, Страбон и др.). Изучение этих рассказов привело меня к заключению, что они относятся к преданию первоначальному так, как рассказы об амазонках в Америке относятся к рассказу Страбона, то есть что и они были только возобновлены в памяти народной и приурочены к известным местностям при каких-нибудь благоприятных обстоятельствах.

Остановимся, прежде всего, на рассказе Страбона, как на более известном и послужившем образцом для рассказов многих позднейших писателей. Знаменитый географ не допускал истинности этого предания и потому, излагая его в 5-й главе 11-й книги землеописания указал, от каких именно авторов он заимствовал свои сведения.

«Говорят, что в горах выше Албании живут амазоны. Теофан, сопутствовавший Помпею в его походе и бывший в Албании, говорит именно, что между амазонами и албанами живут скифские Гелы и Леги и что река Мермадалис отделяет этих последних от амазонов.

Напротив того, другие, как скептик Метродор и Гипсикрат, которым эти местности также небезызвестны, утверждают, что амазоны живут в соседстве с Гаргариями на северных склонах тех гор Кавказа, которые называются Кераунскими, и что они сами занимаются как земледелием и садоводством, так и уходом за скотом, в особенности же за лошадьми, сильнейшие же из них часто предаются охоте и воинским упражнениям. Всем еще в детском возрасте выжигается правая грудь, дабы возможно было беспрепятственно употреблять руку для всякого занятия, в особенности же для метания копья; они владеют также луком, боевым топором и щитом и делают себе из шкур диких животных шлемы, плащи и пояса. Два определенных весенних месяца они проводят на соседней горе, отделяющей их от Гаргариев. Эти последние, следуя древнему обычаю, также переходят на эту гору для того, чтобы вместе с женщинами приносить жертвы и произвести детей, соединяясь в темноте кто с кем попало. После того как женщины делались беременными, Гаргарии отпускали их. Рождавшихся девочек амазоны оставляли у себя, мальчиков же отдавали на воспитание Гаргариям. Каждый из этих последних принимал охотно ребенка, так как в неведении считал его своим сыном».

«Низвергающийся с гор Мермадалис протекает страну амазонов, Сиракению и всю междулежащую пустыню и впадает в Меотис. Про Гаргариев же рассказывают, что они пришли в эти местности из Темисцира вместе с амазонами, но потом, отделившись от них, воевали с ними при помощи некоторых зашедших сюда фракийцев и Евбеян; впоследствии, окончив войну, они заключили с амазонами мир на приведенных выше

условиях, так что общее они имеют только в отношении детей, во всем же прочем живут отдельно».

Было сделано несколько попыток объяснить это предание. Так, например, д-р Пфунд (Pfund) полагает^[20], что понтийские греки применили предание о термодонских амазонках к черкесским женщинам вследствие того, что эти последние, будучи похищены степными номадами, продолжали и среди них, в силу своего природного превосходства, пользоваться той свободой и тем же высоким положением, которыми они пользовались на родине.

Несостоятельность или произвольность этого объяснения очевидна: мы не имеем никаких достоверных сведений о том, занимали ли черкесские племена уже перед Р. Х. те местности, которые занимают ныне, и если занимали, то пользовались ли уже в то время черкешенки той сравнительно большей свободой, которой они пользовались в новейшее время. Напротив того, предание, как и следовало ожидать, говорит против предположения д-ра Пфунда о свободном положении женщины у древних черкесских племен^[21]. Непонятно также, почему д-р Пфунд предполагает, что именно пленные, а не свободные черкесские женщины дали грекам повод считать их амазонками: пленницы должны были волей-неволей отказываться от части своих прав

²⁰ Dr. Pfund. Der Kaukasus und die Türkeru. Статья эта приложена к немецкому изданию сочинения Гакстгаузена «Transkaukasia». Lpz., 1856. Ч. 2. С. 185.

²¹ «Мужья (рассказ идет о нравах древних адыхе, т. е. черкесов) считают жен совершенными рабынями; во всяком случае они должны оказывать во всем безусловное повиновение; им не только не позволено противоречить, но даже произносить жалобы» (Бекмурзин-Ногмов Шора. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Тифлис, 1861. С. 32).

под влиянием грубых нравов кочевников, женщины же свободно пользовались ими на родине беспрепятственно и потому скорее могли быть приняты греками за амазонок.

Д-р Пфунд не оставляет без комментария и рассказ Гиппократом об амазонках на Термодоне, Он полагает именно, что амазонское государство, в котором мужчины и женщины меняются ролями, находится в некоторой связи с существующей в России сектой скопцов. Так как почтенный доктор до того хватил через край в своем ученом рвении, что меня могут заподозрить в неверной передаче его мыслей, то считаю необходимым привести слова его в подлиннике^[22].

Знаменитый Паллас обратил также внимание свое на предание о кавказских амазонках. Он находил, что замечательные обычаи знатных черкесов жить постоянно отдельно от жен и отдавать детей на воспитание в чужие семейства в значительной степени сходны с обычаями

²² Указав на сходные, по его мнению, черты в нравах кавказских амазонок и черкесских женщин, д-р Пфунд продолжает: «Stärker davon weichen die kleinasiatischen Sagen ab welche in der Gotterfigur der Kybele and ihr ähnlichen wurzeln, und deren charakteristisches Moment darauf beruht, dass die Geschlechter formlich verwechselt werden. Die Männer verwandeln sich in Frauen, wovon der Gipfel das Eunuchenwesen ist, die schwachen furchtsamen Frauen in kriegerische Amazonen. Auch diese Vorstellungen scheinen seit alter Zeit im heutigen Süd-russland Eingang gefunden zu haben, wofür die sonderbare Secte der Eunuchen spricht, vor allem aber die Erzählung, welche unser Reisender (Haxthausen) über einen graulichen Ritus einer verwandten Secte mittheilt Den Mittelpunkt der sel-ben bildet, dass einen jungen Mädchen von 14 bis 15 Jahren die eine Brust ange-nommen wird. Nun ist zwar angegeben, dies sei die linke Brust, während in der Erzählung bei Hippocrates die rechte Brust ist, welche den Amazonen fehlt. Allein das Factum ist so ein zig dastehend und fast unerhört, dass man nicht umbin kann jenen russischen Sectenritus mit dem asiatischen Amazoneninstitut zu verbinden. Selbst der chirurgischen Schwierigkeiten bei der Operation, welche der griechische Arzt be-spricht, wird in der russischen Erzählung besonders gedacht, und die Gewandheit, mit der dieselben über-wunden wurden, gerühmt» 4.1. С 185).

кавказских амазонок Страбона. Основываясь на этом сходстве и на существовании притока Терека — реки Мермедика, напоминающей древний *Mermodas* или *Mermodalis*, Паллас склонялся к предположению, что амазонки были покорены черкесами и смешались с ними, сохранив, однако, некоторые из своих прежних обычаев. Впрочем, Паллас признавал, что для подкрепления этого предположения необходимо доказать, что черкесы уже в то время занимали места по северному склону Кавказа^[23]. Прибавлю, что не менее необходимо доказать и сам факт существования в древности амазонок на Кавказе.

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению, считаю необходимым определить географически положение области, которую занимали амазонки. По словам Теофана, эта область находилась в горах выше Албании и прорезывалась рекою Мермодалис, которая отделяла амазонок от скифских гелов и леггов. Следуя же скептику Метродору и Гипсикрату, амазонки жили в соседстве с гаргариями на северных склонах тех гор Кавказа, которые называются Кераунскими. Следовательно, все свидетельства согласуются между собою в том, что область амазонок находилась при восточной оконечности Кавказа, но расходятся в ближайшем определении ее положения: одни полагают, что она лежала в горах выше Албании, то есть в нынешнем Дагестане, другие — при северной подошве Кераунских гор, то есть в долине Терека или в степи, расстилающейся к северу от нее. Мы отдаем предпочтение мнению Метродора и Гипсикрата, так как

²³ Pallas P. 5. *Voyages eutpris dans les gouveruemens meredionaux de (l'Empire de Russie. 1793–1794. Paris, 1805. T. 1. P. 442.*

сами занятия амазонок — разведение скота и, в особенности, лошадей — указывают на то, что они жили на той равнине, которая еще и ныне питает тысячи лошадей, овец и верблюдов. Хотя я и не придаю особенного значения и считаю в некоторых случаях даже вредными сближения, основанные на одном сходстве имен, не могу, однако, не заметить, что соседи амазонок, леги, напоминают лаков — дагестанское племя, занимающее ныне Казы-Кумухский округ в Дагестанской области^[24]. Другой соседний с амазонками народ Гаргарики напоминает гаргаренов, гаргаров или гаргарийцев — главное племя между агванами, известное у армянских историков под именем *гаргараци*.

Обратимся теперь к Албании, на границах которой жили, по преданию, амазонки. По определению Страбона, Албания простиралась от границ Иверии на западе до берегов Каспийского моря на востоке. Северную границу ее составляли Кавказские горы, называвшиеся в этой части и, в особенности, ближе к Каспийскому морю *Кераунскими горами*, на юге Албания примыкала к Армении.

У армянских историков и географов собственно Албанией^[25] называлась страна, заключающаяся между Алазанью, Каспийским морем, Курой и Самуром. Впоследствии, после падения царства Армянского, когда

²⁴ Известный исследователь кавказских языков барон П. Услар считает тождество лаков с классическим лег «весьма вероятным». Он полагает также, что в Северном Дагестане можно и теперь открыть следы названия гелов. См.: Материалы для этнографии Восточного Кавказа // Записки Кавказского отдела Географического общества. Т. 7. Вып. 1.

²⁵ Армянское название Албании есть *Агванк*, или *Ахованк*, и переводится на русский язык в форме *Агвания*.

набеги гуннов и хазар на Агванию сделались чаще, цари агванские перешли через Куру в Армению и перенесли резиденцию свою из Чола (Pyrae Albanicae, Дербенд?) в Партав^[26]; вместе с этим и название Агвании перешло на страну, находящуюся между Шамхором и Араксом и заключающую в себе три провинции Армянского царства — Арцах, или Малую Сюнию, Ути и Пайткаран, входящие ныне в состав Елизаветпольского, Шушинского и Зангезурского уездов Елизаветпольской губернии. Армянские историки под названием *Агванк* почти всегда подразумеваю Армянскую Албанию, то есть помянутые три области, завоеванные агванами. Но Страбон, очевидно, описывает прежнюю или собственно Агванию.

Посредством Дербентского берегового прохода Агвания соединялась с равнинами, лежащими у северной подошвы Кавказа и служившими как бы этапом для кочевников на их пути из Средней Азии в Европу. Оставляя в стороне тех, которые известны только по имени, мы можем указать на несколько народов, занимавших в историческое время Прикавказские степи и описанных более или менее подробно историками того времени. Таковы хазары, гунны, авары и монголы. Теснимые одни другими, племена эти постепенно подавались вперед и преимущественно по двум направлениям: к западу и к югу. На западе их привлекали как богатства Византийской империи, императоры которой, опасаясь разграбления, принимали предводителей и посольства их с большим почетом и старались умиловить значительными подарками, так и

²⁶ Партав, или Перозапад, в области Ути был столицей Агванского царства в VII веке. Ныне это деревня Берда, или Барда, при реке Тертер в Елизаветпольском уезде.

плодоносная долина Дуная, на берегах которого кочевники постоянно добивались права селиться. Императоры, не имевшие возможности защитить совершенно открытую границу, скрепя сердце давали кочевникам требуемое право, обязывая их взамен того охранять границы империи от набегов других племен. На юге кочевников привлекало Закавказье, и именно Агвания, как страна привольная и богатая, и притом наиболее доступная по своему положению. Дербентский береговой проход, представляющий единственный удобный и доступный во всякое время года путь с севера в Закавказье, соединял, как сказано, Агванию с Прикавказскими степями. В самой узкой части этого прохода, в том пункте, где горный кряж почти упирается в море, уже с самых древних времен существовали крепость и стена для преграждения пути народам, вторгающимся с севера. Но и этот оплот не всегда выдерживал напор кочевников, и они «подобно волнам колеблющегося моря», как говорит агванский историк Моисей Каганкатваци, ударяли в стену и разрушали ее до основания.

Так как подобные набеги на Агванию повторялись периодически, то агване имели более, чем какой-нибудь другой народ, случаев ознакомиться с кочевавшими на их границе племенами. Агванские цари то воевали с кочевниками и в случае удачи вторгались в свою очередь в их пределы, то заключали с ними политические и даже родственные союзы для совместной борьбы с персами, постоянно угрожавшими Закавказью. Насколько близко были знакомы агване с кочевниками, мы можем заключить из того, что единственный известный донине

агванский историк Моисей Каганкатвацци^[27] сохранил в своей «Истории Агван» несколько таких подробностей о религии, обычаях и политических отношениях гуннов и хазар, каких мы не встречаем ни у одного византийского историка. Не надо забывать, конечно, что древние историки не интересовались этнографическими вопросами и потому только вскользь и при каком-нибудь удобном случае упоминают о наружности, обычаях и нравах окружающих их народов. Моисей Каганкатвацци не составляет в этом отношении исключения, и между тем сообщаемые им сведения весьма важны в этнографическом отношении.

Ввиду вышесказанного, мы считаем себя вправе придать особенную важность тому обстоятельству, что ни сам Моисей Каганкатвацци, ни родственные ему армянские историки не только не знают амазонского государства на границах Агвании, но даже вовсе не упоминают его имени^[28]. Мы полагаем, что если бы предание о подобном государстве существовало у агван и армян, то историки их не преминули бы упомянуть об этом в своем повествовании, тем более что амазонки сходились, согласно греческим источникам, именно с одним из агванских племен — гаргарийцами. Между тем предание об амазонках неизвестно, по-видимому, ни агванским, ни армянским историкам, и это обстоятельство приводит нас

²⁷ Инок Моисей Каганкатвацци, из села Каганкайтук в провинции Ути, жил, по мнению одних, в X веке, по мнению других, в VII веке. Написанная им «История Агван» переведена на русский язык К. Патканьяном и издана в 1861 году Академией наук.

²⁸ Только во 2-й главе 1-й книги «Истории Агван» Моисея Каганкатвацци в числе владений, доставшихся на долю потомков Иафета, сына Ноя, упоминается страна Амазония, вместе с Атрпатаканом и Агванией.

к заключению, что предание об амазонках на Кавказе обязано своим происхождением грекам.

Какие же причины побудили греков перенести на Кавказ предание, родину которого надо искать в Малой Азии? Я полагаю, что ответ на этот вопрос надо искать в тех впечатлениях, которые вынесли греки из первого знакомства с кочевниками Прикавказских степей. История, конечно, умалчивает о том времени, когда греки получили впервые сведения об азиатских кочевниках. Но мы и не нуждаемся в прямых исторических указаниях для того, чтобы представить себе удивление и ужас, испытанные греками при виде кочевников: материалом для этого служат нам рассказы людей, бывших современниками и даже очевидцами набегов, совершенных азиатскими кочевниками на Европу в историческое время. Эти рассказы могут оказаться не пригодными для заключений по аналогии только в том отношении, что чувства ужаса и удивления, изображаемые в них, слишком слабы в сравнении с теми, которые испытывали греки.

Характерные признаки народов, населяющих в настоящее время Среднюю Азию и известных под общим именем *МОНГОЛЬСКИХ*, знакомы каждому: они состоят в отсутствии бороды, сильном развитии скуловых костей и в сходстве мужчин и женщин как одеждой и ухватками, так и общей формой тела^[29]. Говоря о происхождении предания об амазонках в Америке, я уже привел и подтвердил примерами тот факт, что люди различных пород, встречаясь впервые, чувствуют отвращение друг к другу и значительно преувеличивают те особенности в

²⁹ Ср. цитату из Пикеринга на с. 22 настоящего издания.

организации, которых не имеют сами, считая их чем-то необычайным и даже ужасным. Для произведения подобного впечатления нет надобности, чтобы особенность была резкая: глаз, привыкший к известным формам, подмечает даже незначительные отклонения от них и дает часто повод к неожиданным сравнениям. Так индейцы в Парагвае вырывают себе брови и ресницы, говоря, что они не желают быть похожими *на лошадей*. Белые зубы одной англичанки дали повод кохинхинцу сравнить их с собачьими. Китайцы VII столетия, привыкшие к плоским чертам лица монгольской расы, были поражены выдающимися носами сингалезцев, в сущности не слишком длинными, и Тсанг, описывая их, говорит, что «у них — клюв птицы на человеческом туловище».

Если незначительные отклонения в организации вызывают ужас, отвращение и удивление, то легко представить себе чувства современников вторжения азиатских номадов в Европу. Достаточно прочесть сказания очевидцев. Аммиан Марцеллин, римский историк IV века, следующим образом описывает наружность гуннов, появившихся на нижнем Дунае в 375 году: «Свирепость и варварство гуннов превосходят все, что только можно представить себе самого дикого и варварского. Новорожденным детям они проводят железом глубокие борозды на щеках для того, чтобы не дать вырасти бороде, и поэтому в старости они имеют, подобно евнухам, гладкий и голый подбородок. Их коренастое туловище с огромными верхними конечностями и с чрезмерно большой головой придает им чудовищный вид: *можно скорее принять их за двуногих животных или за одну из тех дурно вырубленных из дерева фигур, которыми украшают*

парапеты мостов»^[30]. Искусственное уничтожение бороды — есть, вероятно, только предположение Аммиана Марцеллина, вызванное стремлением его объяснить себе совершенное отсутствие бороды у взрослых людей.

Но не один Аммиан Марцеллин ужасался наружности гуннов. Можно сказать, что чувство ужаса было всеобщим и даже предшествовало их появлению. Воинственные вестготы, которым приходилось столкнуться с гуннами, при появлении их на северном берегу Черного моря даже не пытались сопротивляться: большая часть их бежала на Дунай, чтобы испросить у императора Валента разрешения поселиться на берегу этой реки.

Иорнанд, родом гот, историк VI века, описывает гуннов подобным же образом. По его словам, победой над аланами гунны были обязаны не столько своей храбрости, сколько ужасной наружности. В числе особенностей гуннов упоминается также и отсутствие бороды, которое Иорнанд, подобно Аммиану Марцеллину, считает произведенным искусственно.

Приведу еще несколько данных относительно впечатления, произведенного на армян соплеменниками гуннов — монголами.

Вот как описывает их Инок Магакия, армянский писатель XIII века в своей «Истории Монголов»^[31]: «Эти

³⁰ *Thierry J. A. Histoire d'Attila et de ses successeurs. Paris, 1856. T. 1 P. 10.*

первые татары, которые появились в верхней стране^[32], не походили на людей; ибо вид их был ужаснее всего, что можно выразить: головы их были громадны, как у буйволов; глаза узкие, как у цыплят; нос короткий, как у кошки; скулы выдавшиися, как у собаки; поясница тонкая, как у муравья; ноги короткие, как у свиньи. Бороды у них вовсе не было. При львиной силе они имели голос более пронзительный, чем у орла, и появлялись там, где их вовсе не ожидали. Женщины их рождали детей, как ехидны, и кормили их, как волчицы. Смертность у них едва была заметна, потому что они жили по 300 лет и хлеба не употребляли в пищу».

Другой армянский историк XIII века, Киракос, составивший «Историю Армении», описывает наружность татар подобными же чертами: «Вид их был адский и наводил ужас. У них не было бороды, только у иных несколько волос на губах и на подбородке; глаза узкие и быстрые; голос тонкий и острый»^[33]. Наконец армянский же историк Стефан Орбелиан, автор «Истории Сиунии», видевший монголов в XV веке, говорит, что «они имеют лицо безволосое, как у женщин»^[34].

Из приведенных цитат видно, что отсутствие бороды у монгольских племен обращало на себя внимание всех арийских народов, приходивших в столкновение с этими племенами, и побуждало некоторых из писателей искать

³² Так называется у армянских писателей северо-восточная часть Армении, входящая ныне в состав Елизаветпольской губернии.

³³ *Магакия Инок*. История Монголов. Примеч. 13 [Русск. пер.].

³⁴ Там же. Примеч. 4.

в искусственных средствах объяснение этого странного недостатка.

Не меньшее удивление возбуждал также и обычай некоторых кочевых племен носить на голове длинные волосы. Обычай этот, встречающийся ныне нечасто, был прежде общим у многих народов.

Уар-хуни (Ouar-Kliouni), появившиеся в VI веке под именем аваров на границах Византийской империи, имели тот же отличительный признак, которым обладали «все расы внутренней Азии, и в особенности раса турецкая: их волосы падали на плечи в виде двух длинных кос, поддержанных и перевитых лентами. Уар-хуни приняли этот обычай в то время, когда находились под владычеством турков»^[35]. Авары носили волосы подобным же образом, у гуннов же волосы были короткие и на лбу обриты^[36].

В половине VI века уар-хуни появились в Прикавказских степях, которые в то время были заняты аланами. Желая поселиться около Черного моря, уар-хуни по совету предводителя аланов решились обратиться к императору Юстиниану I. В 559 году депутаты их отправились в Константинополь. Это известие произвело большое волнение. Толпы любопытных сбегались смотреть на посольство, и, при вступлении его в город, окна и крыши, улицы и площади были заняты зрителями. Одежда и язык депутатов, говорит Теофант, были гуннскими, но наружность

³⁵ *Thierry*A. Histoire cTAttila T. 1. P. 398.

³⁶ Там же. P. 398, 406.

совершенно особенная: их длинные волосы, заплетенные в косы, возбудили всеобщее удивление^[37].

По словам Моисея Каганкатваци, хазары также заплетали в косы свои длинные волосы, вследствие чего византийский император называл их народом *косноносцев*^[38].

Итак, арийцев наиболее поражали две особенности в наружности кочевников: во-первых, отсутствие бороды, которая у арийцев считалась лучшим украшением и отличием мужчин, во-вторых, длинные волосы, заплетенные в косы, составлявшие у арийцев непременную принадлежность и отличительный признак женщины. Прибавив к этим особенностям еще одну, а именно преобладание женского типа в телосложении мужчин у монгольских племен^[39], мы получаем ту сумму признаков, которая, как мы видели, дала повод европейцам принять за амазонок американских индейцев. Подобным же путем произошло, по моему мнению, и предание об амазонках кавказских в то время, когда Прикавказские степи и народы, занимавшие их, были известны грекам только по темным сбивчивым слухам, представлявшим тесную смесь истины с вымыслом^[40].

³⁷ Там же. Р. 399.

³⁸ *Каганкатваци М.* История Агван. С. 110.

³⁹ См. цитату из Пикеринга на с. 22 настоящей статьи.

⁴⁰ Отличный образчик подобной смеси можно видеть у Геродота в описании Скифии (Кн. 4. Гл. 29), где приводится рассказ о перьях, наполняющих воздух в северных странах и препятствующих путнику подвигаться вперед. Геродот объясняет, что перья эти не что иное, как снег.

Знакомые с рассказами об отдаленных странах, встречающимися у древних писателей, не найдут ничего невероятного в предлагаемом мною объяснении происхождения предания об амазонках: они знают, что молва растет во время пути (*fama crescit eundo*) и что посредством ее сравнение превращается в тождество, предположение — в факт. Для скептиков же, которым объяснение предания покажется недостаточным, приведу рассказ Моисея Каганкатваци об одном из эпизодов великой борьбы, происходившей между царем персидским Хозроем II Парвизом и византийским императором Ираклием. Эпизод этот — набег, совершенный хазарами в Закавказье по приказанию императора. Хазары, занимавшие Прикавказские степи, пользовались в то время господством среди многочисленных кочевых племен, и потому предводитель их Джебухакан, родом, по-видимому, гунн, собираясь в набег, уведомил о том, как говорит Моисей Каганкатваци, всех тех, которые находились под его властью: «племена и народы, жители полей и гор, живущие в городе или на открытом воздухе, бреющие головы и носящие косы, чтобы по мановению его все были готовы и вооружены. Джебухакан выступил в поход. Никто не мог сосчитать числа его войск. Первое нападение последовало на крепость Чога, построенную царями персидскими между горой Кавказом и великим морем восточным».

«Дивные стены этой твердыни, — повествует историк, — были разрушены до основания. Безобразная, гнусная, широколицая безрелигиозная толпа, *в образе женщин с распущенными волосами*, устремилась на содрогнувшихся жителей и истребила их поголовно»^[41].

⁴¹ Каганкатваци М. История Агван. С. 104, 105. По поводу сравнения кочевников с

Этот рассказ доказывает, что толпа безбородых, длинноволосых кочевников могла казаться сходной с толпой женщин даже в глазах людей, которые жили в соседстве с этими кочевниками и имели с ними частые сношения.

Считаю необходимым сделать еще несколько замечаний. Мне могут возразить, что предание об амазонках даже и в возобновленном виде, как у Страбона, появилось, вероятно, задолго до Р. Х., когда не были известны ни гунны, ни авары, ни какое-либо другое племя, наружность которого могла бы дать повод к рассказу об амазонках на Кавказе. Замечу на это, что в Прикавказских степях кочевники были известны гораздо ранее, чем Европе. В отношении некоторых из них можно даже сказать, что они занимали эти степи с незапамятных времен. Так, например, о хазарах у византийских писателей упоминается только в первой половине VII века до Р. Х., между тем как известие о нападении их на Армению восходит у Моисея Хоренского^[42] от 193-го до 213 года нашего летосчисления. В своей географии Моисей Х. также упоминает о хазарах вместе с басилами. Это сопоставление, говорит Виньен де Сен-Мартен^[43], дает повод предполагать, что эти хазары были известны Геродоту, который упоминал о катиарах и о басылах, народах общего происхождения. В Шах-Наме упоминается о появлении хазар за 450 лет до Р. Х., при

женщинами переводчик г-н Патканьян замечает: «Вероятно, это сходство подало повод происхождению басни об амазонках».

⁴² *Хоренский М.* История Армении. Кн. 2. Гл. 65 и сл.

⁴³ *Recherches sur les populations primitives du Caucase.* P. 146–147.

царе персидском Лораспе. «Из всего видно, — говорит г-н Патканьян^[44], у которого заимствованы приведенные сведения, — что хазары в самые древние времена занимали к северу от Кавказа пространство между Волгой и Азовским морем».

Надо заметить еще, что под именем хазар древние историки разумели, вероятно, также и все племена, находившиеся под их властью или вступавшие с ними в союз. По крайней мере, Моисей Каганкатваци называет кочевников, вторгавшихся в Закавказье, то хазарами, то гуннами, несмотря на то, что в набегах, как мы уже видели, принимали участие весьма многие племена.

Косвенное подтверждение своего взгляда на происхождение предания об амазонках кавказских я нахожу в том обстоятельстве, что у многих историков об амазонках упоминается тогда, когда заходит речь о кочевниках. Так, Аммиан Марцеллин знает амазонок на западном берегу Каспийского моря. Прокопий упоминает о них в описании одной битвы римлян с гуннами. По описанию Зонараса, во время похода Помпея по Закавказью произошло сражение между римлянами и албанцами (агванами), в котором Помпей остался победителем. На стороне неприятеля было много убитых. Римские солдаты заметили между сражавшимися мной женщин. Любопытствуя об этом невиданном ими явлении, они после битвы хотели узнать, что это были за женщины и не были ли это переодетые в женское платье мужчины. Поэтому они стали рыться в кучах трупов, покрывавших поле битвы, чтобы найти какое-нибудь женское тело, но не нашли ни одной, зато они нашли

⁴⁴ Каганкатваци М. История Агван. Примеч. С. 321.

много амазонских щитов и обуви^[45]. Затем следует повторение рассказа об амазонках Страбона. Если мы припомним сказанное выше о том постоянном участии, которое гунны и хазары принимали в делах агван, то нам станет понятно, о каких женщинах идет речь в рассказе Зонараса: римские солдаты приняли, очевидно, за женщин безбородых, длинноволосых кочевников, принимавших участие в битве. Это объясняет также причину, по которой римляне не нашли среди убитых ни одного женского трупа.

За высказанное мной предположение говорят также и занятия амазонок, свойственные обитателям степи. Они занимались, говорит Страбон, земледелием, садоводством, а также *разведением скота и, в особенности, лошадей*. Подобное разнообразие занятий, зависящее от местных условий, мы видим и теперь на Северном Кавказе: долина Терека славится своими садами и виноградниками, а прилегающие к ней равнины и степи питают огромное количество всякого рода домашних животных. Обычай амазонок и соседей их, гаргаренов, удаляться в горы в известное время года находит себе объяснение в подобном же обычае всех кавказских народов, занимающихся скотоводством. Эта периодическая миграция обуславливается различием температур в степи и в горах: весной, когда горы покрыты еще глубоким снегом, скот пасется в зеленой степи; с наступлением же лета, когда степь вследствие сильных жаров представляет растрескавшуюся голую почву, стада переселяются на горные пастбища, изобилующие источниками и свежей сочной травой.

⁴⁵ Цитировано г-ном Пфафом (История осетин. С. 20) из соч.: *Штриггер*. Memoriae populorum.

В заключение укажу еще на два рассказа, в которых играют роль кавказские амазонки. О них говорится именно в описании одной битвы горцев с имеретинами в бытность в этих местах отца Ламберти в 1650 году^[46]. Амазонки эти имели, по словам Ламберти, каску, щит и панцирь, к которому была приделана короткая до колен юбка ярко-красного цвета. Не имея под руками сочинений Ламберти и Пти-де-Ла-Кроа, не могу сказать ничего положительного об этом рассказе, но сильно подозреваю, что поводом к нему послужила ярко-красная юбка, поразившая взоры отца Ламберти. По крайней мере, из приведенного описания не видно никакого другого женского признака.

Другой рассказ принадлежит Рейнеггсу, автору всеобщего описания Кавказа (*Allgemeine Beschreibung des Kaukasus*). По его словам, в черкесских преданиях упоминается будто бы о существовавшем некогда в Кавказских горах обществе воинственных женщин — *эммечь*, которое впоследствии соединилось с черкесами. Я сомневаюсь в существовании у черкесов подобного предания, как вследствие склонности Рейнеггса украшать свои описания, так и вследствие того, что в цитированном мною уже сочинении Шоры Бекмурзина-Ногмова «История адыгейского народа», составленном на основании преданий черкесов, ничего не говорится о женском обществе Рейнеггса.

Предпринимая настоящее исследование, я уже объяснил, что имею в виду, главным образом, предание о кавказских амазонках: мне хотелось определить, истину

⁴⁶ Сведение это заимствовано мною у г-на Пфафа (*История осетин*. С. 21), который в свою очередь основывается на соч. *Croix Petit de Ia*. *Descriptiori des pays, situees entre Ia Mer Noire et Ia Mer Caspienne*. 1797.

или вымысел заключает в себе это предание. Предыдущие страницы заключают в себе, возможно, обстоятельный ответ на этот вопрос. Мне остается теперь сказать несколько слов о том предании, которое, вероятно, послужило образцом для предания об амазонках кавказских. Страбон относился вообще к преданию этому с большим недоверием и потому, рассказывая о кавказских амазонках, он ограничился указанием, что они, как говорят, пришли на Кавказ из Темисцира в Малой Азии. Описание этого переселения находится у Геродота. В IV книге его «Истории...» весьма обстоятельно рассказывается, что греки, победив амазонок на реке Термодон, взяли их в плен столько, сколько могли поместить на свои три корабля. Во время плавания амазонкам удалось умертвить всех мужчин, и так как они не умели управлять рулем, то ветер и волны долго носили их по морю. Наконец корабли остановились у Кремной на Меотийском озере, в стране свободных скифов. Здесь амазонки высадились на берег, и, встретив пасущихся лошадей, они завладели ими и начали опустошать страну скифов. Появление этих всадников весьма изумило скифов, которые не знали ни происхождения их, ни языка, ни одежды. После одной из стычек скифам удалось завладеть неприятельскими трупами, и тогда они поняли, с кем имеют дело. Скифы собрались на совещание и постановили послать к амазонкам столько молодых людей, сколько было амазонок. Сначала амазонки не хотели заводить знакомства с молодыми людьми, но потом сблизились с ними и, наконец, вышли за них замуж, дав, таким образом, начало народу савроматов. Тогда мужья пытались уговорить своих жен присоединиться к племени и жить вместе со всеми другими. Но амазонки не только

отказались от этого, отзываясь, что их образ жизни и занятия слишком различны от занятий скифских женщин, но даже уговорили своих мужей переселиться в местность, лежащую за рекой Танаис, на три дня пути по направлению к востоку и на столько же к северу от меотийского озера. Там они живут и теперь, прибавляет историк; савроматские женщины сохранили свои древние обычаи, ездят верхом, участвуют в войнах и носят мужскую одежду.

Приведенный рассказ, по крайней мере в той части, которая относится до переселения амазонок из Малой Азии в Скифию, слишком фантастичен для того, чтобы его можно было принять за действительный: он вызван, очевидно, желанием греков объяснить себе появление амазонок в Скифских степях. Рассказ этот доказывает вместе с тем, что уже в то время Южно-Русские степи были населены кочевниками, наружность которых позволяла принять их за женщин. Все действия амазонок: неумение управляться с кораблем, воровство лошадей, отказ соединиться со скифами, мотивированный непривычкой к их образу жизни, — все эти действия доказывают, что под амазонками Геродота скрываются кочевники.

Обычаев, образа жизни и наружности амазонок термодонских Геродот не описывает. Другие источники также умалчивают об этом. Известно только, что амазонки занимали плодородную равнину Темисцира на южном берегу Черного моря, орошаемую рекой Термодон. Отсюда они совершали набеги в Азию и Европу, описанные в Илиаде и у многих других позднейших историков и поэтов: Виргилия, Иустина, Филострата и пр. Недостаток данных заставляет оставить открытым вопрос о происхождении этого, так сказать,

первоначальные предания. Но аналогия и отсутствие доказательств противного позволяют предположить, что и оно обязано своим происхождением причинам, подобным тем, на которые было указано при разборе позднейших вариантов предания. Интересующихся попытками объяснить это первоначальное предание отсылаем к статье «Амазонки» в «Энциклопедическом словаре», изданном русскими учеными и литераторами. Там же указаны и источники.

Знание. СПб., 1872. Сент. — окт.

Приложения

И. Шопен. Амазоны

Говоря о Кавказе, об этой стране поклонников женского начала, в двойном его атрибуте рождения и питания, ктеиса и груди, нельзя оставить без упоминания легенды о воинственных женщинах, прославивших себя в здешних долинах под названием *амазонок*.

Некоторые из древних писателей, и в особенности Страбон, старались оспаривать их существование и представить все сохранившиеся о них предания баснословными вымыслами. Между тем нельзя же, безусловно, отнести к вымыслам столько свидетельств глубочайшей древности, единогласно удостоверяемых и сохранившимися памятниками.

Кроме того, существование амазонок с давних эпох истории не только вероятно, но даже правдоподобно; в те времена, когда люди были или сами хищниками, или жертвами хищничества и проводили время во взаимных друг на друга нападениях, мужское население иной местности могло погибнуть поголовно в несчастном походе на соседей; тогда, естественно, оставшиеся дома жены забирали власть в свои руки; а самые воинственные могли решиться отказаться навсегда от зависимости мужей и, таким образом, учредить особые женские республики.

Как бы то ни было, но следы господствования женщин и поклонения их органам выказываются на обоих оконечностях Кавказа — западном и восточном; на

морях — Черном и Каспийском, как доказывается и местными названиями; приведем предания о первых из них.

В неведомой древности два хана из скифов *Са-цси*, *Или-нос* и *Сколо-пет* откочевали со своими улусами на юго-западные побережья Черного моря, среди колоний айранцев и асов, уже давно тут живших. Новые пришельцы основались у подошвы Тавра на полях Тамисширских, при реке Термодон, называемой *Cristallus*, от свойства никогда не замерзать зимой.

Тут же протекала и река *Ирис* (Айр-исá), источники которой находились в стране мосинеков (мошисов) и которая, оросив стены города *Ам-ас* (кобылий орган), впадала в Понтийское море.

Новые пришельцы, поклонники Луны, кобылицы и пассивных органов, окруженные поклонниками Солнца, Тельца и органов активных, нашлись в критическом положении; наконец, сии последние, соединившись, сделали на них общее нападение, при котором, избив всех мужчин, даровали жизнь одним женам и детям.

Вдовы погибших перенесли свое несчастье мужественно: запершись в своем городе Ам-ас, они храбро оборонялись, так что перешли даже к наступательным действиям; таким образом покорили они себе всю страну от Танаиса до Сирии и основали город Тамисшир, или Шагар; самая блистательная эпоха их господствования простиралась от 1249-го до 1143 года до Р. Х.; войну же их с Тезеем должно отнести к 1226 году.

Тамис-шир, или *Тамис-шагар* значит *чистый, святой град*. Тамис есть древнее айранское слово, от которого и река *Тамиза* (Thames), Темза в Англии, получила свое

название, хотя крайне незаслуженное. *Рейн* (Rhein) значит то же. *Тармо-дон* или *Тармо-тун* — река или жилище женщин. Значение *Ам-аса* мы уже видели. Река же *Ир*, или *Айор*, изобличала присутствие жителей противоположного верования.

Быть может, от этих героинь произошло и другое название Малой Азии, а именно: Анатолии — Анат-олла (материнские или бабьи горы), то же, что на Востоке *Зар-асп* (кобылье вымя) или *Ам-ол* (женские горы).

По рассказу греческих легенд Гераклея (Геркулес), царь смежного города Гераклея-Понтийского, довершил поражение и истребление амазонок; уцелевших пленниц он отправил было в Грецию на трех судах; но в ночное время дорогою они умертвили свою стражу и, не умея управлять кораблями, отдали себя на произвол ветров, которые занесли их в Азовское море.

Здесь возникает сомнение: при сильном течении из Азовского моря в Черное каким образом могли все три судна плыть так дружно, по одному мановению ветров? Вероятно, они лишили жизни не весь экипаж или это было в эпоху года, когда дуют западные ветры, те самые, на крыльях которых приплыл и Улис от острова Цирцея к устьям Дона?

Как бы то ни было, но, выйдя на берег около поселений скифов Са-цси́, или асов, они соединились браком с их молодежью, и от них, по словам греков, пошли савроматы-гунайкократумены, то есть управляемые женщинами.

Употребление в этих легендах названий *сарматов* и *савроматов* составляет, по-видимому, анахронизм: сарматы происходили от осов, или иронов, а сии

последние поселены на Кавказе в VIII веке до Р. Х.; следовательно, не могло быть еще речи о них в XIII веке.

Скифы Са-цсі и аранцы, при всей своей дикости, уступали этим героиням, которых они называли *айор-пата*, то есть мужегубцы, у армян — *айор-сбанок*. По свидетельству Гиппократу, им не дозволялось выходить замуж пока не убьют трех неприятелей. Чтобы ловчее управлять луком, они выжигали себе правую грудь. Вот слова Страбона об этих воинственных женщинах.

«Глава VI

§ 1. Говорят, будто Амазоны обитали некогда в горах, возвышающихся над Албанией. Феофан, сопутствовавши Помпею в его походах в Албанию, говорить только, что между Амазонами и Албанцами живут Геды и Леги, народы скифского происхождения, отечество коих отделяется от Амазонок рекою Мермодалис, протекающей в этих местах; но следуя другим писателям, как то Метродору-скептику и Гипсикрату, которым, по-видимому, эти места были также хорошо известны, амазоны жили смежно с Гаргаренами у подошвы по северному скату этой части Кавказа, которая известна под названием Кераунских, то есть Громовых гор.

§ 2. Тут, в продолжение не меньше месяца в году, Амазоны сами занимаются садоводством, посевами, но в особенности скотоводством. Самые отважные из них промышляют охотой и, верхом, занимаются воинственными упражнениями. Все они, как сказано выше, с малолетства выжигают себе правую грудь, чтобы свободнее действовать рукой при разных эволюциях, а в

особенности при метании копья. Кроме сего оружия, они употребляют также лук, сагарис, пельту и щит и делают себе шлемы, панцири и пояса из шкур диких зверей.

При наступлении весны они отправляются на ближайшую гору, отделяющую их от Гаргаренов, и остаются тут два месяца; со своей стороны и сии последние, следуя древнему обыкновению, не упускают явиться туда же; соединившись с Амазонами, они приносят богам общие жертвы, после чего, в тайне ночи, смешиваются без разбора; коль скоро которая из них окажется беременной, она отделяется. Происходившие таким образом дети делятся по их полу: девицы остаются при матерях, а мальчики возвращаются отцам; никто не имеет права отказываться от принятия подобного младенца в дом свой, хотя и не знает, точно ли ему принадлежит ребенок.

§ 3. Мермодалис, устремляясь от вершин гор, пересекает землю Амазонок, Сиракению, междулежащие пустыни и выливается в Палус-Меотис.

Что касается до Гаргаренцов, если верить преданию, то обще с Амазонами они некогда поднялись от Тамис-шира в теперешние места; потом, соединившись с Фракийцами и Эвбеями, они воевали против Амазонок, но война кончилась трактатом на вышеизложенных условиях. С того времени все взаимные между ними сношения ограничиваются доставлением им детей; впрочем, они всегда жили врозь друг от друга».

Чтобы определить место действия сего рассказа, необходимо сообразить: 1) что гаргаренцы были народом албанского происхождения; 2) что, по словам Страбона, *Keraupí montes* составляли самую смежную часть Кавказа

к Каспийскому морю. На основании сих двух условий самое приличное место для помещения амазонок — *Кизляр*, как некоторым образом доказывает и само это название — *девичник*. В таком случае река Мармодалис, или просто Мар-моди, — *мужчины, приходите* — будет *Терек* (Тер-рек) — река женщин. *Помехи* — место соитий. *Сиракения* — страна коней — цзи; показание же, что река выливалась в Палус-Меотис, могло быть справедливо в то время, когда Азовское море имело еще сообщение с Каспийским.

Заметим также, что Тер-рек берет свое начало в долинах Дзур-дзуг-эти, нынешняя Кист-эти, орошает Чечню, Тар-ку (гора женщин) и что вся окрестность наполнена подобными названиями, как, например: на левой стороне Баксана — *Кис-бурун* (девичья-коса), *Деда-кау* (Дедюков), *Са-мандар*, *Маджар* (страна поцелуев), *Кума* (река наложниц) и пр. Чечня представляет перевод Дзур-дзуг-эти (страна груди).

Рассказ Страбона подтверждается особенным случаем, сохранившимся в преданиях жителей Кавказа; только вместо древнеиранского *Ама-зен* (все женщины) употребляют другое наименование — *Эммечь*; корень сего слова, по-видимому, общеупотребительного во всей Азии, — Ам, у турок — орган пассивный; *Эм* — по-татарски самка, жена, у евреев — мать, у финнов эме; по-эстляндски и тайгински *эмма*; по-осетински — *эмад* и пр. Окончательный слог *эч* или *ич*, вместо *ше*, *ши*, *чи* означает, из силлабического языка, род или происхождение.

Эти *эммечи* составляли общество воинственных женщин, обитавших в горах, к востоку от черкесов, до Малой Кабарды, и поддерживались женщинами, которые

вновь приставали к ним. Мужчин они к себе не допускали. У черкесов сохранилось о них следующее предание.

Во время возгоревшейся с ними войны предводительница эммеченок, перед сражением, пожелала войти в переговоры с главным *пше* черкесов — Тульмэ; несколько часов спустя она объявила своему войску, что убедилась доводами красноречивого неприятеля, заключила с ним мир и выходит за него замуж; поэтому и советует всем своим подругам последовать ее примеру; таким образом, воюющие разошлись попарно, как в новейшем водевиле, и все кончилось к общему удовольствию. Так, по крайней мере, рассказывает Рейнеггс, которому, впрочем, не всегда можно верить на слово.

Амазонки Страбона только временно сходились с гаргаренами для приплода; но эммечи, по-видимому, приведенным случаем заключили свое воинственное поприще.

Мы наименовали в Восточном Кавказе разные местности, свидетельствующие о господстве поклонения пассивным органам рождения и питания. И запад не менее богат подобными памятниками; мы уже упоминали о городе Ам-ас и реке Тармо-дон; доныне в Гурии столица Гуриеля называется *Озург-эти* — страна девиц, Эгриси доныне у армян: *эг* — самка и *иси* — владение, то же что *эти*; да и *Кута-иси*, столица *Аэта* — страна женщин. Мы видели удостоверение о существовании эммечь на Кубани, и впредь, в этих заметках мы представим доказательства о несомненном существовании женских республик, хотя Страбон решительно им не доверяет.

Эллинисты, выводящие все возможные этимологии из греческого языка, объясняют это слово по-своему; по их мнению, в слове *Амазон*, начальное *А* — частица отрицания; а *мазос*, μαζος, — груди, соски, что значило бы *без груди*; быть может, и тут есть какое-либо основание, так как и по-грузински слово *мац* сохранило соотношение с греческим словом, например: *мацаварта* — грудница, *мацавари* — кормилица; *мацони* — кислое молоко и пр.

По всему восточному берегу Черного и Азовского моря женщины искони славились и славятся красотой; вероятно, нынешний упадок турецкой расы происходит оттого, что ей нельзя уже ремонтировать свои физические и нравственные силы в чистой и энергической крови дев гор. Здесь они особенно прельщают гибкостью и стройностью стана. У всех племен так называемых нами черкесов женщины приобретают это преимущество посредством особого корсета, состоящего из двух деревянных кругов. Этот корсет имеет целью не допускать слишком раннего развития груди.

В V веке до Р. Х. поклонение женским органам, в двойном атрибуте рождения и питания, находилось уже в полном развитии на Кавказе: Геродот, свидетельствуя об искусстве жителей восточной части этих гор окрашивать шерсть для разных изделий, присовокупляет, что там горцы без всякого стыда предавались всенародно побуждениям полов, когда только являлась им на это фантазия. От этого, верно, горы Кавказские и получили название *Джебал аль кахп* — горы непотребных. Ныне магометанство воцарило в тамошних народах противоположную крайность стыдливости, но

немагометане доныне не затрудняются угощать своими женщинами странников, как, например, в Осетии.

Доныне в Центральной Азии существует одно женское царство, на юге Луковых гор. Китайцы называют его *Ньюи-го*; в нем из рода в род царствуют женщины; одна из последних тамошних цариц, о которых есть сведения, называлась *Суби-мог*. Она занимала престол с лишком двадцать лет; муж ее носит титул *Гинь-црой*; он не вмешивается в государственные дела. Мужчины там занимаются одними воинственными упражнениями, чем эти амазонки значительно разнятся от западных.

У них царская резиденция устроена на горе и имеет от пяти до шести *ли* в окружности; жителей всех до 10 тысяч семейств. Дворец устроен в девять этажей. Двор состоит из нескольких сот женщин. Через каждые пять дней происходит общий доклад.

Царица имеет помощницу, или товарища, которая называется *Малой Государыней*. Тамошние женщины имеют дурное понятие о мужчинах; поэтому они неревнивы; посредством каких-то натираний оба пола переменяют несколько раз в день цвет лица. Волосы распускают и обуваются в кожаные башмаки. Сбор податей зависит от потребности. Климат у них по большей части холодный; главный их промысел — звероловство. В их земле обретается самородная медь, киноварь, мускус, черные волю, превосходные кони и много соли, которую возят в Индию для продажи. Они ведут частые войны с индийцами и танкутами.

При каждой перемене цариц они делают сбор золотых и серебряных денег и приступают к избранию двух девиц, особенно отличающихся умом: одну — в государыни, а другую — в ее помощницы. У умерших

вельмож сдирают кожу, а мясо и кости, пересыпав золотым песком, сохраняют в урне, которую укладывают в железный сундук и зарывают в землю.

Они поклоняются духу *Асюло*. Чтят также духа лесов, которому в начале каждого года приносят в жертву человека или обезьяну. После жертвоприношения молитвы совершаются на горах. У них водится птица, похожая на павлина, ей распарывают живот и гадают, смотря по зернам, которые оказываются у нее в желудке: хлебные или древесные?

В 586 году вашего летосчисления эти Ньюи-го присылали еще китайским гоангам посланников с данью.

В VIII веке они были покорены фолинцами, которые ежегодно присылали им женихов. Младенцы мужского пола умерщвлялись.

Я выписал это место из сочинения отца Иакинфа, чтобы доказать возможность существования подобных управлений женских и на нашем Кавказе.

Кроме показанных выше амазонок анатолийских, скифских и кавказских, существовали еще и ливийские, о которых будет упомянуто в своем месте. Здесь остается указать на дворы африканский владельцев, этих неподвижных хранителей нравов первобытных; там у суданов и прочих царей телохранители состоят почти без исключения из вооруженных женщин, которые по свирепости и отважности в боях не уступают никаким мужчинам.

И. Шопен

Шопен И. Новые заметки на древние истории Кавказа и его обитателей. СПб., 1866. С. 15–22.

Кто ты, храбрая амазонка?

На берегу быстрой горной речки Малки, которая, перерезав с запада на восток северные районы Кабардино-Балкарии, впадает левым притоком в буйный Терек, некогда существовал неукрепленный поселок и вблизи был могильник. Поселение и могильник широко известны ныне в науке под названием Каменномоостских, по имени одноименного селения, расположенного рядом.

Памятники последовательно раскапывались археологами Е. И. Крупновым в 1948 году, К. Э. Гриневичем в 1949-м, П. Г. Акритасом в 1954 году и принесли богатые материалы по истории населения края в VIII–VI веках до н. э.

В жизни и культуре древнего кавказского племени на берегу Малки были свои особенности, диктуемые его местопребыванием на рубеже предгорий и степей, на границе разных народов. В те века равнины и горы Предкавказья настороженно взирали друг на друга. В спасительных ущельях скрывались селения аборигенных оседлоземледельческих племен кобанской культуры, а по степным пастбищам бродили с места на место военные дружины и орды кочевников.

Но нельзя жить, отгородившись от мира неприступной стеной, тем более если постоянно живешь на самом «переднем крае», у входа в горы, и перед тобой неоглядная равнина, чуть затуманенная пылью степных табунов.

Жить в таком месте — значит установить добрые отношения с иноязычными кочевниками, общаться и

даже породниться с ними, усваивать элементы их культуры, делиться своим опытом и знаниями.

Так и сделал мудрое местное племя, земли которого лежали на стыке ландшафтных и этнических зон.

Исконно горский кавказский погребальный обряд требовал захоронения покойника в каменном ящике или в грунтовой яме, обложенной булыжником. Степняки хоронили соплеменников под земляной насыпью (курганом).

Как согласовать два различных ритуала, если кобанское племя принимало многих выходцев и беглецов из среды кочевых орд, если значительная часть жителей поселка родилась уже от смешанных браков? Выход был найден. В Каменноостском могильнике открыты погребения в каменных ящиках с курганными насыпями над ними. Ревнителю обоих обрядов могли быть спокойны.

И в самих гробницах набор сопровождавших покойников вещей столь же интересен своим синкретизмом. Прекрасные типично кобанские черные глиняные сосуды с лощением и глубокой нарезной орнаментацией уживаются в инвентаре могил с бронзовыми удилами, широко распространенными у кочевников. Великолепные образцы исконно местных бронзовых украшений (браслетов, шейных гривн, серег, пуговиц и пр.) соседствуют с наконечниками стрел степного скифского типа.

Особенно примечательно оружие. Скифские племена VII века до н. э. заслуженно завоевали славу распространителей на Северном Кавказе лучшего по тем временам оружия: бронзовых втульчатых наконечников

стрел, железных копий и железных коротких мечей-акинаков. В Каменноостском могильнике археологи встретились и с железным оружием степных типов и с бронзовыми кобанскими кинжалами. Но любопытнее всего, что здесь найден кинжал с железным клинком, но еще с бронзовой литой рукоятью из круглого массивного стержня с грибообразным навершием и перекрестием в виде угловатых крыльев бабочки. Точно такие биметаллические кинжалы известны и из нескольких других мест в Центральном Предкавказье. Пограничные племена, усваивавшие элементы степных культур, но и не порвавшие своих кровных кобанских традиций, удовлетворялись этим своеобразным сочетанием привнесенных и местных черт в быту, культуре, идеологических представлениях.

Самым интересным погребением на древнем кладбище оказалась последняя из исследованных могил, раскопанная в 1954 году.

В каменном ящике из тяжелых плит скорченно на боку лежала женщина. На ее груди нашли большое бронзовое зеркало с ручкой, которая заканчивается бараньей головой. На руках были бронзовые браслеты; у черепа — бронзовые серьги, застежка (фибула), бусы. У правой руки — бронзовые щипчики — пинцет; в ногах — красивые чернолощенные сосуды. Казалось бы, что здесь особенного? Обычное погребение кобанской женщины — модницы и франтихи, заботливо следящей за своей внешностью, о чем говорят зеркало и туалетные щипчики для бровей.

Но мы ознакомились еще не со всеми вещами, сопровождавшими покойницу и отразившими черты ее характера и образа жизни.

На поясе умершей лежал распавшийся на части короткий и прямой железный меч-акинак, рядом бронзовая цепочка для подвешивания точильного бруска (оселка), а с правой стороны скелета найден бронзовый наконечник скифской стрелы. За стеною же каменной гробницы лежал костяк коня, убитого и погребенного рядом с могилой своей хозяйки.

Значит, погребенная женщина еще и воин, всадник. Однако кобанские племена известны своими строгими патриархальными отношениями, исключавшими возможность появления среди горцев амазонок — особого разряда женщин-воительниц. Бранное дело, охота, всадничество на Кавказе — абсолютная прерогатива мужчин, и это право сильного пола почти никогда не оспаривалось. Почему же в Каменноостском могильнике оказалось вдруг богатое погребение амазонки?

Виновниками этого интересного и единственного пока в кобанских древностях случая были, по-видимому, все те же степняки. Но уже не собственно скифы, а близкородственные им савроматы, населявшие Нижнее Поволжье и Подонье и очень рано (со времен совместных походов со скифами в Закавказье в VII веке до н. э.) появившиеся в северных районах Предкавказских равнин.

За савроматами недаром с легкой руки их скифских и греческих современников закрепилось прозвище «гинекократоменов», то есть женоуправляемых. Отличительной чертой общественного строя этих кочевников было явно привилегированное положение женщины. Женщина у некоторых савроматских родов была не только главой семьи и рода. (Иногда савроматки

становились даже предводителями племен.) Среди савроматов были и жрицы, и смелые всадницы, неустрашимые воины, спутники и ратные товарищи мужчин в ближних и дальних военных предприятиях.

С недоумением взирали античные писатели — выразители сугубо патриархальных взглядов своих народов и стран — на своенравных, могущественных и равноправных с мужьями савроматов. Они записывали ходившие среди туземцев легенды и истинные факты: «Их женщины ездят верхом, стреляют из луков и мечут дротики, сидя на конях, и сражаются с врагами, пока они в девушках; а замуж они не выходят, пока не убьют троих неприятелей, и поселяются на жительство с мужьями не прежде, чем совершат обычные жертвоприношения. Та, которая выйдет замуж, перестает ездить верхом, пока не явится необходимость поголовно выступить в поход», — писал псевдо-Гиппократ в V веке до н. э. Древние авторы пытались объяснить столь далекую их мужскому и гражданскому пониманию картину «женского засилья» всевозможными мифологическими доводами, из которых главным было стремление произвести женоуправляемых савроматов от легендарного племени амазонок. Между тем и сами-то легенды о «враждебных мужам» амазонках (целых «племенах», состоявших исключительно из женщин-воительниц), живущих на Северном Кавказе, были порождены как раз сильными матриархальными тенденциями савроматского общества, объяснить которые современники могли не иначе, как путем фантастических обобщений.

В трудах советских ученых Б. Н. Грекова и К. Ф. Смирнова собран и проанализирован большой историко-археологический материал, подкрепленный

яркими этнографическими примерами, не оставляющий сомнений в существовании значительных пережитков матриархата у савроматских племен. Савроматок и впрямь можно назвать амазонками. Смелые воительницы при жизни, они такими же уходили в загробный мир. В савроматских женских погребениях Поволжья и Приуралья находят оружие (стрелы, копья, мечи), конскую сбрую и останки коня.

Наша амазонка погребена у подножия Кавказских гор на кладбище местного кобанского племени. Кто же она — единственная женщина-воительница и всадник среди кобанских современниц?

Мы никогда не узнаем точно, кто она, эта амазонка. Минувшие 25 веков надежно скрыли тайну ее жизни и смерти.

Может быть, она — савроматка по рождению, вышедшая замуж за кавказца. В таком случае она долго прожила в его племени, в его поселке, ставшем вскоре и родиной ее детей. Она выполняла необходимые и нелегкие домашние работы. Ее похоронили по местному ритуалу (скорченно, в каменном ящике), ибо теперь это ритуал ее семьи, многих поколений ее потомков. Но всю жизнь помнила женщина о своем происхождении, о гордом и независимом положении подруг-савроматок. Она хранила меч и стрелы, с которыми вошла в дом мужа, и, наверное, не раз разгоряченный умелой всадницей конь уносил ее в пыльное раздолье степей, и вновь перед мысленным взором женщины вставали годы юности, прошедшие среди кибиток родного племени кочевников. Возможно, она не теряла связи с савроматами, ибо самая ценная вещь в ее могиле — это бронзовое зеркало так называемого ольвийского типа

VII–VI веков до н. э. Такие зеркала изготовлялись в далеком греческом городе Ольвии, что находился вблизи устья Днепра. Из Ольвии предприимчивые купцы отправлялись по проторенным дорогам в дальние страны, и один из самых излюбленных путей вел через Скифию, в глубь савроматских земель Поволжья и дальше на восток.

Точно такие зеркала известны среди находок на родине савроматов, и не оттуда ли было прислано зеркало, оказавшееся в могиле амазонки?

А может быть, все было вовсе не так, и в каменном ящике погребена горянка, лишь понаслышке знавшая о воинственных ее современницах. Но в минуту смертельной опасности, нависшей над племенем, она взяла в руки оружие и, подобно известной нартской героине — дочери Даргавсара, — собрала соплеменниц — женщин и девушек и повела их в бой на помощь обессиленным, израненным мужчинам, на месть за убитых родичей.

И клятвой прозвучала их угроза,
Что никому обиды не простят
И что за кровь убитых отомстят...
Стрела и меч знакомы девам стали,
Из лука все без промаха стреляли,
Готовились без устали к сраженью,
Их вдохновляло будущее мщенье...
Горя отвагой пламенной и юной,

Разбили войско гордого Бархуна,
На склеп повесив голову его,
Отпраздновали девы торжество.
Вихрь бороду седую развевал,
И ворон злой глаза его клевал.
Так отомстила дочка Даргавсара
За свой квартал, погубленный пожаром^[47].

Подвиги не забываются народом. Прошли годы, и, когда женщина умерла, с ней в могилу положили ее оружие, коня и дорогое импортное зеркало, воздав должное ее мужеству, выразив преклонение перед ее храбростью.

В. Б. Виноградов

Виноградов В. Б. Тайны минувших времен М.: Наука, 1966. С. 49–55.

⁴⁷ Нарты: Эпос осетинского народа. М., 1957. С. 39–40.

Примечания

1

О пигмеях и различных мнениях о них см, ст.: Ueber die Zwergvölker in Africa // в Petermann's Geogr. Mittheilungen, 1871. № 4.

2

Humboldt. Asie centrale. Т. 1. Р. 392–403; Geschichte der physischen Weltan-schauung // Космос. Т. 2. Примеч. 64.

3

Укажу для примера на статью г-на Пфафа «Материалы для древней истории Осетин» в IV выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах» (Тифлис, 1870). Признавая существование амазонок в древности фактом несомненным и высказывая соображения о происхождении и результатах подобной формы общежития, г-н Пфаф предусматривает большую пользу для сравнительного законоведения от исследования вопроса об амазонках.

4

Укажу для примера на статью г-на Пфафа «Материалы для древней истории Осетин» в IV выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах» (Тифлис, 1870). Признавая существование амазонок в древности фактом несомненным и высказывая соображения о происхождении и результатах подобной формы

общежития, г-н Пфаф предусматривает большую пользу для сравнительного законоведения от исследования вопроса об амазонках.

5

Царицы скифского народа — массагетов. В войне с ней погиб мидийский царь Кир. (История Геродота. Кн. 1).

6

Фролов. Александр фон Гумбольдт и его Космос // Современник. Т. 7. С. 116.

7

Слова эти, конечно, не относятся к попыткам объяснить предание первоначальное, так как разбор его не составляет цели настоящей статьи.

8

У Бокля в главе VI «О начале исторической литературы и ее состоянии в Средние века» (Т. 1. Ч. 1) упоминается, между прочим, что случайное сходство между шведским словом *Quinna* — женщина и именем одного финского племени Квены и стороны их Квенландии заставляет думать, что на север от Балтийского моря живут амазонки. Существование такого народа, говорит Бокль, положительно утверждалось многими из ранних европейских историков.

9

Статья эта есть, по-видимому, только материал, приготовленный автором для обширного исследования об амазонках. Она написана весьма сжато и состоит из

цитат, извлеченных из разных авторов, но расположенных без всякой системы. Для большей части этих цитат не указано название сочинения, служившего источником, и потому я не мог воспользоваться ими.

10

Как эти, так и последующие факты заимствованы из соч.: Штриккера. Die Amazonen in Sage and Geschichte.

11

Приток Амазонской реки, с левой стороны, в республике Эквадор.

12

Prichard J. C. «Naturgeschichte des Menschengeschlechts» uebers. von Dr. Rudolph Wagner. Vierter Band. С. 516 и сл.

13

Как эта, так и последующие цитаты взяты из русского перевода, сделанного под редакцией Сеченова (Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор Л 871. — Изд.).

14

Подобное предположение, в применении к древним амазонкам, находим еще у Палефата (Palaphatus) в сочинении его «о невероятных баснословных рассказах»: «Про амазонок говорят, что это не женщины, а мужчины-варвары, которым враги их дали бранное название женщин за то, что они, подобно фракийским женщинам, носили длинные, спускающиеся до ног

туники, связывали волосы повязкой и стригли себе бороду».

15

См. Богемская война женщин // Толль Ф. Настольный Словарь.

16

Бокль. История цивилизации. Т. 1. Гл. 6.

17

Zur Ainazonen-Sage. P. 177.

18

Известие об этой страже находится у Джона Дункана в его «Travels in Western Africa» (1845–1846) и цитировано у Штриккера на с. 19. Дункан рассказывает, что он присутствовал при воинских упражнениях этой стражи.

19

Ritter Karl. Geographie générale comparée. Bruxelles, 1837. P. 166

20

Dr. Pfund. Der Kaukasus und die Türkeru. Статья эта приложена к немецкому изданию сочинения Гакстгаузена «Transkaukasia». Lpz., 1856. Ч. 2. С. 185.

21

«Мужья (рассказ идет о нравах древних адыхе, т, е. черкесов) считают жен совершенными рабынями; во всяком случае они должны оказывать во всем

безусловное повиновение; им не только не позволяется противоречить, но даже произносить жалобы» (Бекмурзин-Ногмов Шора. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Тифлис, 1861. С. 32).

22

Указав на сходные, по его мнению, черты в нравах кавказских амазонок и черкесских женщин, д-р Пфунд продолжает: «Staerker davon weichen die kleinasiatischen Sagen ab welshe in der Gotterfigur der Kybele and ihr a h n l i c h e n wurzeln, und deren charakteristisches Moment darauf beruht, das die Geschlechter formlich verauscht werden. Die Maenner verwandeln sich in Frauen, wovon der Gipfel das Eunuchenwesen ist, die schwachen furchtsamen Frauen in kriegerische Amazonen. Auch diese Vorstellungen scheinen seit alter Zeit im heutigen Sud-russland Eingang gefunden zu haben, wofur die sonderbare Secte der Eunuchen spricht, vor allem aber die Erzahlung, welche unser Reisender (Haxthausen) uber einen graulichen Ritus einer verwandten Secte mittheilt Den Mittelpunct der sel-ben bildet, dass einen jungen Madchen von 14 bis 15 Jahren die eine Brust ange-nommen wird. Nun ist zwar angegeben, dies sei die linke Brust, wahrend in der Erzahlung bei Hippocrates die rechte Brust ist, welche den Amazonen fehlt. Allein das Factum ist so ein zig dastehend und fast unerhort, dass man nicht umbin kann jenen russischen Sectenritus mit dem asiatischen Amazoneninstitut zu verbinden. Selbst der chirurgischen Schwierigkeiten bei der Operation, welche der griechische Arzt be-spricht, wird in der russischen Erzahlung besonders gedachet, und die Gewandheit, mit der dieselben uber-wunden wurden, gerthihmt» 4.1. С 185).

23

Pallas P. 5. Voyages eutrpris dans les gouveruemens meredionaux de ('Empire de Russie. 1793–1794. Paris, 1805. T. 1. P. 442.

24

Известный исследователь кавказских языков барон П. Услар считает тождество лаков с классическим лег «весьма вероятным». Он полагает также, что в Северном Дагестане можно и теперь открыть следы названия гелов. См.: Материалы для этнографии Восточного Кавказа // Записки Кавказского отдела Географического общества. Т. 7. Вып. 1.

25

Армянское название Албании есть *Агванк*, или *Ахованк*, и переводится на русский язык в форме *Агвания*.

26

Партав, или Перозапад, в области Ути был столицей Агванскаго царства в VII веке. Ныне это деревня Берда, или Барда, при реке Тертер в Елизаветпольском уезде.

27

Инок Моисей Каганкатваци, из села Каганкайтук в провинции Ути, жил, по мнению одних, в X веке, по мнению других, в VII веке. Написанная им «История Агван» переведена на русский язык К. Патканьяном и издана в 1861 году Академией наук.

28

Только во 2-й главе 1-й книги «Истории Агван» Моисея Каганкатваци в числе владений, доставшихся на долю потомков Иафета, сына Ноя, упоминается страна Амазония, вместе с Атрпатаканом и Агванией.

29

Ср. цитату из Пикеринга на с. 22 настоящего издания.

30

Thierry J. A. Histoire d'Attila et de ses successeurs. Paris, 1856. T. 1 P. 10.

31

Русск. пер. К. П. Патканьяна. Спб., 1871. С. 7. В первый раз монголы появились в Закавказье в 1220 году и уничтожили вышедшее к ним навстречу войско грузинское на великом поле Катман.

32

Так называется у армянских писателей северо-восточная часть Армении, входящая ныне в состав Елизаветпольской губернии.

33

Магакия Инок. История Монголов. Примеч. 13 [Русск. пер.].

34

Там же. Примеч. 4.

35

Thierry A. Histoire cTAttila T. 1. P. 398.

36

Там же. P. 398, 406.

37

Там же. P. 399.

38

Каганкатваци М. История Агван. С. 110.

39

См. цитату из Пикеринга на с. 22 настоящей статьи.

40

Отличный образчик подобной смеси можно видеть у Геродота в описании Скифии (Кн. 4. Гл. 29), где приводится рассказ о перьях, наполняющих воздух в северных странах и препятствующих путнику подвигаться вперед. Геродот объясняет, что перья эти не что иное, как снег.

41

Каганкацваци М. История Агван. С. 104, 105. По поводу сравнения кочевников с женщинами переводчик г-н Патканьян замечает: «Вероятно, это сходство подало повод происхождению басни об амазонках».

42

Хоренский М. История Армении. Кн. 2. Гл. 65 и сл.

43

Recherches sur les populations primitives du Caucase.
P. 146–147.

44

Каганкатваци М. История Агван. Примеч. С. 321.

45

Цитировано г-ном Пфафом (История осетин. С. 20)
из соч.: *Шриттер*. Memoriae populorum.

46

Сведение это заимствовано мною у г-на Пфафа
(История осетин. С. 21), который в свою очередь
основывается на соч. *Croix Petit de Ia*. Descriptiori des
pays, situees entre Ia Mer Noire et Ia Mer Caspienne. 1797.

47

Нарты: Эпос осетинского народа. М., 1957. С. 39–40.